

Н.Н.Прикашиков.

К ИСТОРИИ РУССКОГО САДОВОДСТВА В МАНЬЧЖУРИИ

В апреле 1898 года пароход «Хабаровск» вошёл в бухту Порт-Артура и все мы, прибывшие на нём, в частности около 300 человек железнодорожников (инженеры, техники и десятники) и изыскательская партия под начальством инженера Ф.О.Гиршмана, выбрались на берег неизвестной нам Южной Маньчжурии и быстро устроилось в разных пустых домах города.

Это было начало нашего пребывания в Южной Маньчжурии.

Через два дня, не теряя времени, все мы, разбиваясь на партии, обзавелись подводами и верховыми лошадьми, выступили на работу. Моя партия начала работу от города Кинь-чжоу в направлении Инкоу - приморский город в 21 версте от Дашицяо (узловая станция б. КВЖД).

Интересное, незабываемое время, интересная работа полсотни лет тому назад. Целая эпоха в моей личной жизни. До сих пор в памяти сохраняются все малейшие детали работы и жизни.

.

Первое, что нас поразило - отсутствие хлеба белого и чёрного. Мы были как-то обескуражены этим явлением и даже чуть-чуть растерялись. Переводчик объяснил нам, что у жителей здешних вообще нет хлеба, они питаются кашами (сяомиза, гаолян, рис) и как лакомство, как особая городская роскошь, у них выпекаются лепёшки, небольшие, крупные, пресные, серого цвета. Белой муки вообще нет.

Некоторое время поголодавши, мы отлично привыкли к этим, вначале ненавистным, лепёшкам и уничтожали их прекрасно, забыв о хлебе.

Кое-кто из нас, в том числе и я, полюбили отваренный рис и до некоторой степени заменяли им хлеб, затаив надежду по окончании изысканий, сделавшись «оседлыми», немедленно построить небольшую хлебопекарную печь.

Была весна. Переходя из деревни в деревню по прямым «провешенным» линиям, мы пересекали поля и огороды.

Поля для нас были чужды - гаолян, без конца гаолян, сяоми-за и бобы тоже без конца. Изредка кое-где немного земляной орех. А в отношении огородов, с нашей точки зрения, ещё хуже - красный и белый редис, лук и китайская капуста. Огурцы нас очень огорчали, т.к. они несъедобны - длинные, полуаршинные, скрюченные, совершенно без сердцевины. Нам не встретилось ни одного, хотя бы маленького, садика или ягодника.

(Записки Харбинского Общества Естествоиспытателей и этнографов. № 6. Сельское хозяйство. Харбин, 1947, сс. 1-4).

В.М.Виталисов. Роль русских в развитии садоводства и овощеводства в Маньчжурии.

В 1947 году исполняется 49 лет, как первые русские вступили на маньчжурскую землю для производства изысканий и постройки КВЖД. В те времена южная и средняя Маньчжурия имела население, северная же часть страны представляла дикий край, почти не тронутый руками человека.

(Там же, сс. 17-18).

И.Михайлов. Китайская дорога и край. Среди мировых колониальных предприятий Китайская дорога была изумительным исключением, она никогда не эксплуатировала край в пользу России, но всегда обогащала его и, главным образом, за счёт России.

Россия не получала доходов от дороги, покрывая её дефициты, не вывезла дешёвого сырья, не монополизировала рынка сбыта своих изделий. Вместо этого она вложила в край громадные капиталы и создала транспортную сеть, вызвав поразительно быстрый рост краевого богатства...

При помощи дороги развивается техническое образование, создаются специальные курсы, лаборатории и опытные поля, образуются союзы предпринимателей, пробиваются дороги на новые рынки.

(Известия Общества Изучения Маньчжурского Края. № 1. Харбин, «Заря», 1922, сс. 7-8).

А.Баранов. Юбилейная выставка.

Городов Маньчжурия и Харбин и посёлков при станциях дороги не существовало. Существовал только гор. Хайлар, Цицикар, Ашихэ, Шуанченпу и Куаньчензы. Все остальные явились потом, призванные к жизни постройкой дороги. Разум и знания русского инженера, отвага русского солдата, энергия русского рабочего, предприимчивость русского промышленника и торговца пробудили край, призвали его к жизни. Культурный призыв в крае начатого русскими дела привлек к себе душу китайского народа, и край стал неузнаваемым.

(Известия Общества Изучения Маньчжурского Края. № 3. Харбин, 1923, сс. 2-3).

Н.Г.Третчиков. Библиография по экономике Северной Маньчжурии. Харбин, 1929.

С проведением КВжд начинается эпоха изучения русскими Северной Маньчжурии, до того страны не только не исследованной, но и ненаселённой, которую, если и можно было исследовать, то только с точки зрения тех возможностей, которую открывала ее природа, и с точки зрения изучения быта ее относительно немногочисленных инородцев.

Последовавшие вслед за постройкой КВжд и её южной ветки политические и военные события, вызвавшие прилив в Маньчжурию огромных средств, и широкая колонизация, шедшая всё расширяющимся руслом, оживили суровую и полупустынную страну и превратили её в область, в которой многообразно скрестились интересы мировых держав и которая имеет все данные для самого широкого и буйного экономического роста и расцвета... Там, где раньше было только место для естественно-научных, географических и этнографических изысканий, сейчас имеется богатейшее поле и для изысканий экономических.

Как страна колонизируемая и вступающая в мировой хозяйственный оборот, Северная Маньчжурия даёт для исследования богатейший материал не только экономико-описательный и экономико-географический .

Мы не касаемся здесь ряда других, весьма интересных вопросов, среди которых сама по себе история превращения в 30-

летний срок огромной страны из полупустыни в цветущую земледельческую область представляет тему захватывающего интереса. В экономической истории хозяйственный рост Маньчжурии следует сравнивать с таким же расцветом американского Дальнего Запада с тою, впрочем, разницей, что темп роста здесь, на Дальнем Востоке, оказался более быстрым, чем это имело место в Северной Америке.

... в настоящее время, в результате 30-летней работы, разного рода исследования и статьи о Северной Маньчжурии на русском языке представляют уже весьма значительную величину и по количеству и по объёму.

Н.Сетницкий.

Предисловие.

Наличие в Харбине таких библиотек, как Библиотека Общества Русских Ориенталистов, Библиотека Общества Изучения Маньчжурского края, Центральная библиотека КВжд ...

Лица, интересующиеся вообще периодической литературой г. Харбина, могут найти материал в библиографии М.С.Тюнина «Библиография Маньчжурии. Указатель периодических и повременных изданий, выходивших в г.Харбине на русском и других европейских языках по 1-е января 1927 года» - Харбин; Изд-во Общества Изучения Маньчжурского Края, 1927. - 41 с.

Центральная библиотека КВжд. Библиографический Бюллетень. Под редакцией проф. Н.Н.Трифоновой и Е.М.Чепурновского. Харбин: Изд-во Центральной Библиотеки КВжд, 1927. - 112 с.

А. Новицкий

П.Н. МЕНЬШИКОВ

(К 20-летию его научной работы в Маньчжурии)

20 лет тому назад прорезанные стальной лентой КВжд беспредельные поля, степи и леса Монголии и Северной Маньчжурии, слабо населённые и колонизованные, таинственные и неизведанные, представляли собой в полном и переносном смысле terra incognita, и мало было смелых, отважных европей-

цев, которые бы, презрев опасность и отсутствие примитивных, привычных европейцу признаков комфорта, углубились бы в край, чтобы вплотную стать лицом к таинственному, тысячелетнему своеобразному китайскому быту.

Между тем, на КВЖД, помимо её чисто специального назначения, выпала историческая миссия стать не только транспортным предприятием, но и тем учреждением, которое должно было приобщить обособленный и оторванный быт маньчжуров и монголов к общей культурной жизни человечества.

Но представления и сведения о жизни и быте окружающего края за пределами узкой полосы отчуждения были отрывочны, разрознены и крайне скудны.

Между тем необходимость самой тесной кооперации работы дороги с экономической жизнью прорезываемого края настоятельно чувствовалась.

И сейчас, в дни его 20-летнего юбилея службы, которую Павел Николаевич всецело и безраздельно связал с жизнью и интересами Маньчжурского края, отдав его изучению лучшие годы своей жизни и весь запас своей жизненной энергии и настойчивости, мы, современники, должны отдать должное одному из тех русских людей, которые пришли из далёкой России и принесли китайскому народу свою дружбу и знания...

Результатом деятельности П.Н. в Бодунэ был доклад в Обществе Русских Ориенталистов, где автор со свойственной ему обстоятельностью горячо развивает мысль о возможности и необходимости более тесных связей России с Монголией через Бодунэ. /Принимал/... непосредственное участие в работе научных обществ по обследованию края. П.Н. как востоковед с самого основания состоял действительным членом Харбинского отделения Общества Востоковедения и Общества Русских Ориенталистов, помещая научные статьи в их издания... Оценивая в общем деятельность П.Н. в течение его 20-летней работы в Северной Маньчжурии, мы должны признать, что вся она была посвящена краю, его изучению, развитию его благосостояния и его интереса. Перед нами в течение 20 лет проходил один из тех сильных духом и телом русских людей самородков, которые, движимые какой-то внутренней интуицией, жадной знаний, с лёгким сердцем идут туда, куда влечёт их призвание и

неиссякаемый источник энергии и инициативы.

И если Китайской Восточной железной дороге по праву принадлежит первое место в крае как источнику культурного сближения и взаимного понимания двух великих народов, то значительная роль и почётное место в ряду этих заслуг принадлежит Павлу Николаевичу Меньшикову.

(Известия Общества Изучения Маньчжурского Края. № 6. - Харбин: «Полиграф», 1926, с.46-48).

Район деятельности Общества Изучения Маньчжурского Края Северная Маньчжурия и тяготеющая к ней территория - сравнительно недавно, менее 30 лет, оказался вовлечённым в оборот мирового хозяйства и своим быстрым развитием обязан в значительной степени, если не в полной мере, проведению КВЖД, связавшей край с внутренним Китаем, Россией и портами Тихого океана. Однако до последнего времени этот район оставался мало исследованным...

Поскольку Северная Маньчжурия вышла из состояния изолированности, поскольку глубже вовлекалась в международный товарообмен, постольку, конечно, возрастал интерес к изучению и дальнейшему развитию естественных производительных сил.

(Там же, с. 6-7).

М.Караулов

СВЕДЕНИЯ О ХАРБИНСКОЙ ЕПАРХИИ

4-27 сентября 1922 г. состоялось торжественное открытие Харбинской епархии при 28 церквях. В 1929 г. в епархии насчитывалось более 40 приходов, 3 бесприходных храма, один молитвенный дом и два монастыря (мужской и женский).

ПРИХОДЫ:

а) в городе Харбине.

1. Св. Николаевский Кафедральный Собор. Построен в 1900 г. Настоятель - протоиерей о. Леонтий Пекарский.
2. Иверская Церковь, построена в 1908 г. Левый придел - в честь Св. и Чудотворца Николая. Правый придел - в честь Прп. Серафима Саровского. Настоятель храма - протоиерей о.Николай

Вознесенский.

3. Софийский храм - в честь Софии Премудрости Божией. С 1907 года. Правый придел - в честь Св. Пророка Божия Илии. Настоятель храма - протоиерей о. Михаил Филологов.

4. В Модягоу храм в честь Св. Алексия, Митрополита Московского и всея России Чудотворца. Построен в 1912 г. В храме один придел. Настоятель - протоиерей о. Петр Рождественский.

5. На Зелёном Базаре храм в честь Св. Митрополита Алексия, Московского и всея России. Настоятель- протоиерей о. Иннокентий Петелин.

6. В Старом Харбине храм в честь Св. и Чудотворца Николая. С 1916 г. Настоятель - протоиерей о. Иоанн Тростянский.

7. В Механических Мастерских храм в честь Пророка Божия Илии. Церковь построена в 1922 г. Настоятель- протоиерей о. Сергей Русанов.

8. В Остроумовском Городке (Чен-ян-хэ) храм в честь Св. Благоверного князя Бориса. Построена в 1927 г. Настоятель протоиерей о. Михаил Топорков.

9. Петропавловская церковь в Сунгарийском Городке. Построена в 1924 г. Настоятель- протоиерей о. Алексей Филимонов.

10. В Затоне храм в честь Св. и Чудотворца Николая. Построена в 1928 г. Настоятель - протоиерей о. Михаил Рогожин.

11. В Московских Казармах Иоанно-Предтеченский храм. Построен в 1927 г. Настоятель- протоиерей о. Константин Люстрицкий.

12. В Корпусного и Саманном городках - Спасо-Преображенская церковь. Построена в 1920 г. Настоятель- протоиерей о. Александр Кочергин.

13. В Госпитальном Городке - храм в честь Иверской Божией Матери. Построен в 1908 г. Настоятель- священник о. Иоанн Черемухин.

14. Св. Покровская церковь (в б. Украинской Гимназии). Настоятель- протоиерей о. Николай Труфанов.

б) на Западной линии.

15. В г. Маньчжурии - Св. Серафимовская церковь, построена в 1903 г. Настоятель- священник о. Михаил Белов.

16. На Чжалайнорских Копях - храм в честь Архистратига Божия Михаила. Построена в 1924 г. Настоятель - о. Викентий

Апеллесов.

17. На станции Чжалайнор - Пророко-Ильинский храм, построен в 1924 г. Настоятель - священник о. Прокопий Эпов.

18. На станции Якеши - храм в честь Казанской Божией Матери, построен в 1926-1927 гг. Настоятель - о. Георгий Силинский.

19. Поселок КЫЦЕНОР - храм во имя Св. Алексия Человека Божия, построен в 1925 г. Настоятель - свящ. о. Павел Элизен.

20. В г. Хайларе - Спасо-Преображенская церковь, построена в 1902 г. Настоятель - протоиерей о. Валентин Синайский.

21. На станции МЯНЬДУХЭ - церковь в честь Равноапостольного князя Владимира, построена в 1911 г. Настоятель - священник о. Петр Литвинцев.

22. На станции Хинган - Св. Пантелеймоновская церковь. Настоятель - протоиерей о. Иоанн Яковлев.

23. На станции Бухэду - церковь в честь Св. мученицы Александры, построена в 1902 г. Настоятель - протоиерей о. Владимир Чертыковцев.

24. На станции Чжаланьтунь - церковь в честь Св. и Чудотворца Николая, построена, в 1915 г. Настоятель - протоиерей о. Стефан Нежинцев.

25. На станции ФУЛЯЭРДИ - Введенская церковь (в здании бывш. штаба полка Охранной стражи). Настоятель - священник о. Николай Колчев.

26. На станции ЦИЦИКАР - церковь в честь Св. Первоверховных апостолов Петра и Павла, построена в 1913 г. Настоятель - протоиерей о. Павел Шиляев.

27. На станции АНЬДА - церковь в честь Св. и Чудотворца Николая и Святителя Алексия Митрополита Московского и всея России Чудотворца, помещается в частном доме. Настоятель - протоиерей о. Виктор Марсов.

в) на Восточной линии.

28. На станции Пограничная - церковь в честь Св. и Чудотворца Николая, построена в 1915 г. Настоятель - протоиерей о. Тихон Ильинский.

29. На станции МУЛИН - церковь в честь Св. Архистратига Божия Михаила, построена в 1909 г. Настоятель - о. Симеон Дзугаев.

30. На станции Эхо - церковь в честь Св. и. Чудотворца Николая построена в 1921 г. К церкви приписан Св. Георгиевский храм на станции Хайлин, помещ. в доме. Настоятель - священник о. Иоанн Гуляев.

31. На станции Ханьдаохэцзы - Введенская церковь, построена в 1903 г. Настоятель - священник о. Павел Любимов.

32. На станции ШИТОУХЭЦЫ - Св. Троицкая церковь, построена в 1923 г. Настоятель - протоиерей о. Григорий Ходаковский.

33. На станции ИМЯНЬПО - церковь в честь Преподобного Сергия Радонежского Чудотворца. Построена в 1901 г. Настоятель - протоиерей о. Симеон Новосильцев.

34. На станции АШИХЭ - Благовещенская церковь, построена в 1916 г. Настоятель - протоиерей о. Матвей Мурдасов.

г) на Южной линии.

35. На станции ШУАНЧЕНПУ - Петропавловская церковь, построена в 1904 г. Настоятель - священник о. Николай Мухин.

36. На станции Лаошагоу (Сунгари) - Спасо-Преображенская церковь, построена в 1924 г. Настоятель - протоиерей о. Василий Полозов.

37. На станции КУАНЧЕНЦЫ - Св. Николаевская церковь, построена в 1908 г. Настоятель - о. Василий Карпов.

38. На станции ЯОМЫНЬ - Св. Владимирская церковь, построена в 1922 г. Настоятель - протоиерей о. Владимир Гордиевич.

д) в Трехречье.

39. Приход с резиденцией в Устьшучье. Походный храм. Настоятель прихода - протоиерей о. Георгий Ланский.

40. Приход с резиденцией в Верхкулях. Св. Покровская церковь. Настоятель прихода - свящ. о. Модест Горбунов.

II. Б Е С П Р И Х О Д Н Ы Е Х РАМЫ:

41. Успенская церковь на Новом кладбище, построена в 1908 г. И.д. настоятеля - протоиерей о. Михаил Андреев.

42. Иоанно-Богословская церковь приюта-школы «Русский Дом» в Славянском Городке, построена в 1923 г. Настоятель - протоиерей о. Виктор Гурьев. Заведующий приютом К.И Подольский.

43. Св. Дмитриевская церковь при женской обители. Своего здания не имеет.

III. ПРИПИСНЫЕ ХРАМЫ:

44. Св. Георгиевская церковь на ст. Хайлин приписана в 1927 году к церкви на ст. ЭХО.

IV. МОЛИТВЕННЫЕ ДОМА:

45. Молитвенный дом в Харбинской городской тюрьме открыт в 1924 году.

V. МОНАСТЫРИ:

46. Казанско-Богородицкий мужской монастырь. Настоятель Архимандрит Ювеналий.

47. Богородице-Владимирский женский монастырь. Настоятельница Игуменья Руфина.

VI. ЗАКРЫТЫЕ ЦЕРКВИ:

48. Церковь при гимназии Андерса в г. Харбине.

ЕПАРХИАЛЬНЫЕ УЧРЕЖДЕНИЯ в городе Харбине.

1. Харбинский Епархиальный Совет. Председатель - Правящий Архиепископ. Зам. Председателя - протоиерей о. М. Филологов. Члены Совета: прот. А. Знаменский, Н. Л. Гондатти, Е. П. Сумароков. При Совете епархиальный свечной склад.

2. Епархиальный Миссионерский Совет. Председатель - протоиерей о. В. Стрелков. Секретарь - свящ. о. В. Петров. Епархиальный Миссионер - прот. о. А. Пономарев.

3. Попечительство о бедных духовного звания. Председатель - протоиерей о. Петр Рождественский. Секретарь - Д. Я. Попов.

4. Харбинский Епархиальный свечной завод (при новом кладбище) по выработке свечей, деревянного масла, ладана и церковных принадлежностей, парча, изготовление облачений и проч. Заведующий - И. В. Попов.

5. Епархиальная библиотека при Епархиальном Совете, открытая для частного пользования. Отделы: религиозно-богословский, философский, классики, беллетристика и литературные новинки. Заведующий Е. Н. Сумароков.

6. Епархиальный книжный склад. Заведующий Е. Н. Сумароков.

7. Приют для детей «Русский Дом». Попечительный Совет Приюта. Заведующий К. И. Подольский.

8. «Дом Милосердия» для престарелых, хроников и приют для детей-девочек при Камчатском Подворье в ведении Преосвященного Епископа Нестора. Имеется новый храм в честь обновленной иконы Скорбящей Божьей Матери.

9. Пастырско-Богословские курсы. Курс преподавания 3-летних, приуроченный к курсу духовных семинарий. Заведующий - прот. о. Н.Вознесенский.

10. Церковно-певческие курсы при Харбинских музыкальных классах. заведующая Г.Г.Баранова-Попова. Председатель правления курсов о. Н.Вознесенский. Секретарь Е.Н.Сумароков.

В Пределах Харбинской Епархии существуют храмы Пекинской Миссии, находящиеся в ведении Высокопреосвященного Архиепископа Иннокентия Пекинского.

а) Харбинское Благовещенское Подворье с храмом в честь Благовещения Пресвятой Богородицы, настоятелем которого состоит Преосвященный Епископ Мелетий - Забайкальский и Нерчинский.

б) в гор. Маньчжурии - Св. Иннокентьевское Подворье с храмом, при нём приют, школа, аптека и др. хозяйственные учреждения Миссии. Настоятель Подворья - прот. о. Владимир Извольский.

РОССИЙСКАЯ ДУХОВНАЯ МИССИЯ В КИТАЕ

Начальник Миссии - Архиепископ Пекинский Иннокентий. Канцелярия Миссии - Пекин. Секретарь начальника миссии Иеродиакон Нафанаил. Успенский Кафедральный Собор - настоятель С. Чен. Члены причта - прот. А.Пеляев, свящ. Владимир Дэ, протоиакон Василий Дэ, Иеродиакон Нафанаил. На участке Миссии имеется Церковь Мучеников, построенная в память убитых христиан в Пекине во время боксёрского восстания. Убитых христиан 222. Имеется домовая церковь Начальника Миссии. Военное кладбище за стенами г. Пекина с величественным храмом. На участке кладбища похоронены чины охранной стражи Императорского Посольства, дипломатические чиновники, священнослужители-миссионеры и частные лица.

ТЯНЬЦЗИН - Свято-Покровская Церковь на русской концессии. У храма воздвигнута братская могила русских воинов-участников взятия города в 1900-1901 г. Настоятель иеромонах Никанор. Диакон М.Афанасьев.

МУКДЕН - Храм Воскресения Христова с центральным военным кладбищем. Настоятель - протоиерей о. Иуда Приходько.

ДАЙРЕН - Кладбище с церковью-памятником. Настоятель -

протоиерей о. М.Ерохин.

ЦИНДАО - Свято-Софийская Церковь, построена в 1927 году.
Настоятель - Архимандрит Федор.

ХАНЬКОУ - Храм-памятник в честь Св. бл. Кн. Александра Невского.

ЧАНЬЧУНЬ - ДОМОВАЯ ЦЕРКОВЬ.

УРГА - Домовая церковь (б. Посольская). Настоятель - Игумен Серафим.

ШАНХАЙ - В городе имеет резиденцию Викарий Начальника Миссии, Епископ Шанхайский Симон. Церкви: 1) В Чапее - Благовещенская. Настоятель Архимандрит Макарий. 2) Домовая Крестовая Церковь (временная).

Наше примечание: Сведения М.Караулова, как видно, относятся к 1929-30 годам. Они вполне достоверны. Из конкретных данных о количестве православных церквей и приходов легко заключить, насколько значительным могло быть в российской колонии влияние религиозной идеологии и культуры, христианской общинной нравственности на светское общество, формировавшееся в полосе отчуждения КВЖД в Северной Маньчжурии. Православная церковь, кроме того, являлась важным звеном международных связей. Прежде, когда была необходимость, она играла свою роль и в межгосударственных отношениях. История русской православной церкви в Китае, полная особого драматизма и трагизма, должным образом пока ещё не осмыслена в объективной исторической науке. Жизнь православной церкви в Китае имеет особый смысл. Она, быть может, ждет своих исследователей-летописцев. Только лишь перечислив церкви с крестами на куполах, с колокольнями и звонницами, можно воссоздать атмосферу быта и бытия.

ВОСПОМИНАНИЯ О НАШЕМ КАФЕДРАЛЬНОМ СОБОРЕ.

Я в 1941-ом году остался без родителей, воспитывался у крёстного. Это муж сестры моего отца. С февраля 1942-ого года он отдал меня в Лицей св. Николая. Дважды в год мы говели, исповедовались и причащались в нашем Соборе. Это было перед пасхальными каникулами, с понедельника Страстной Седмицы. В Среду постились, потом все лицеисты шли на исповедь в Собор. Всё духовенство Собора принимало в этом участие. После исповеди строем шли в Лицей и до утра Страстного Четверга не принимали пищи. В Четверг после ранней литургии все причащались и строем шли по Хорватовскому и Старохарбинскому шоссе в Лицей св. Николая. После завтрака все собирались в Актный зал, где директор Лицея, архимандрит Андрей, в торжественной обстановке в присутствии преподавателей и воспитателей поздравлял нас с принятием святого причастия. Потом все распускались до Фомина Воскресенья на пасхальные каникулы. Также и перед Новым годом, 30 декабря, ходили на исповедь, 31-ого причащались, и нас отпускали на рождественские каникулы. Они продолжались две недели, до 14 января.

Я не всё время был на интернате (живущим). Был и приходящим. Так как крёстный жил недалеко от Кафедрального Собора, на углу Модягоуской и Стрелковой улиц, мы с ним часто ходили на богослужения по субботам, воскресеньям и праздничным дням. Постепенно я привык и полюбил этот храм, с его чудесным хором, торжественной архиерейской службой. Из духовенства тех далёких лет хорошо помню настоятеля Собора протоиерея о. Леонида Викторова, протоиереев о. Виктора Гурьева и о. Владимира Светлова. Протодиаконами тогда были о. Никола Овчинкин (бас) и о. Семён Коростылёв (драматический тенор). До конца 1945 года часто служил митрополит Мелетий. Иногда ему сослужили архиепископ Нестор Камчатский, епископ Ювеналий и викарный епископ Дмитрий. Такого пения, как в Соборе, мне не приходилось слушать ни в одной из

харбинских церквей. В начале 1946 года умер митрополит Мелетий, и кафедру возглавил недавно возведённый в сан митрополита архиепископ Нестор. 22 сентября 1946 года состоялась хиротония протоиерея о. Леонида Викторова во епископа. Он получил новое, монашеское имя - Никандр. После отъезда в Советский Союз митрополита Нестора он возглавил Харбинскую и Маньчжурскую епархию вплоть до своего отъезда в Советский Союз в 1955 году.

В 1950 году, когда я уже работал на Мельнице №3 в Фудзянье, решил поступить в Соборный хор в качестве любителя. К тому времени у меня уже был опыт церковного пения у нашего незабвенного регента и учителя пения - Николая Ивановича Бабайлова. В то время, когда мы учились в Лицее, у меня был дискант, а к осени 1950 года стал тенор. Первое время я не пел сложные произведения, но постепенно освоился и вошёл в «репертуар», если можно так выразиться. Наш соборный регент Дмитрий Яковлевич Попов, был человек с абсолютным слухом, отличный скрипач и концертмейстер. Он в конце двадцатых и тридцатые годы преподавал пение и музыку в харбинских гимназиях. Репертуар хора состоял из лучших композиторов-классиков православной русской церковной музыки. В наш Собор приходили многие, даже нерелигиозные люди, чтобы послушать замечательный хор. У нас пели такие замечательные певицы, как Марфа Емельяновна Тополь (контральто), Вера Ивановна Омеляненко (лирическое сопрано), Василий Никифорович Рыков (бас-профундо), Саяпин (бас), которые были солистами харбинской оперы в Желсобе. Из теноров следует упомянуть Георгия Михайловича Евсеева, Анатолия Ильича Кручинина, Игоря Викторовича Иевлева, Ивана Ивановича Семовских. Очень жаль, что в те годы в Харбине не было магнитофонов, чтобы записать все произведения в исполнении соборного хора. Подлинным украшением богослужений в Соборе был чудесный, неповторимый драматический тенор нашего протодиакона - Семёна Никитича Коростылёва, которому 15 февраля этого года исполнилось бы сто лет со дня рождения.

Все певчие нашего Харбинского Свято-Николаевского Кафедрального Собора единодушны во мнении о том, что самыми излюбленными произведениями духовной музыки являлись для

нас концерты №23 и №35 Дм.Ст.Бортнянского, «Пресвятая Днесь» и «Днесь всяка тварь» Степ. Дегтярёва, «Ангел Вопияше» Павла Чеснокова и воскресные ирмосы 8 гласа «Колеснице гонителя фараона». Во время богослужений в соборе среди молящихся стояла гробовая тишина.

Наш замечательный Собор в августе 1966 года постигла участь древнего Иерусалимского храма, разрушение которого предсказал ещё Иисус Христос своим ученикам. В ходе т.н. «культурной революции» хунвейбины полностью, до основания, разрушили его, а все иконы были сожжены. Собора давно нет, но память о нём сохранится у многих русских харбинцев на всю оставшуюся жизнь.

1998

Хор Харбинского Свято-Николаевского Кафедрального Собора. В центре – регент Дмитрий Яковлевич Попов.

22 мая 1952 года.

Автор статьи - Павел Иванович Галактионов - сам рассказывает нам о себе следующее: «После смерти родителей в 1941 году мой крёстный - муж моей тёти, сестры отца - взял меня к себе и устроил в Лицей. Мой первый вещевой номер был 11. Я проучился до закрытия Лицея в декабре 1948 года. Очень хорошо помню вечер 22 декабря. Вечером мы готовили уроки, когда вооружённые палудины арестовывали нашу лицейскую администрацию.

Потом нас перевели в советскую школу, сначала в ЗПСШ (бывш. здание ХСМЛ), а затем во ЗПСШ (напротив Лицея). Я проучился до 1950 года, а потом поступил работать в Фудзядяно на мельницу №3 Общества Граждан СССР. В конце 1954 года русских рабочих уволили, я перебивался случайными заработками. В мае 1955 года выехал в СССР, на целинные земли. Попал на юг Омской области. В том же мае нас, молодёжь, отправили учиться в училище механизации сельского хозяйства, по специальности тракторист-комбайнер. С февраля 1956 года по сентябрь 1959 года работал в совхозе по специальности. Потом уехал в Свердловск. Сначала работал на мельзаводе, а в августе 1960 года пошёл работать на железную дорогу - в паровозное депо. В 1961 - 1963 году закончил школу рабочей молодёжи (10 классов), параллельно сдал экзамен на помощника машиниста паровоза, а затем тепловоза. Жил в деповском общежитии. Но работа не приносила мне удовлетворения. С детства я привык много рисовать, лепить. А тут прочитал в городской газете, что Театру Оперы и Балета требуются художники-декораторы, бутафоры. И я решил попробовать себя в этом деле. С февраля 1966 года поступил работать в Свердловский Театр Оперы и Балета в качестве бутафора-декоратора. И вот уже тридцать второй год работаю в нём. Так что увлечение рисованием в Лицее было не напрасно. За годы работы в театре достиг определённых успехов. Когда я учился в Лицее, то пел в школьном церковном хоре под управлением Н.И.Бабайлова (Коли-Вани). В 1950 году, уже когда работал на мельзаводе, стал петь в хоре нашего любимого Свято-Николаевского Кафедрального Собора. Я пел в качестве любителя до самого отъезда на целину, т.е. свыше 5 лет. Моим любимым церковным композитором был и остаётся Дмитрий Степанович Бортнянский. Это имя знакомо многим лицеистам.

У меня семья - жена, дочь. Живём в скромной двухэтажной квартире. Увлекаюсь живописью. По-прежнему много читаю, в том числе и географическую литературу. А любовь к географии привил не кто иной, как Михаил Иванович Небылицын (Михей, как за глаза мы его называли).

Вот такова моя биография. Я не завидую никому - каждый строит свою жизнь по своим способностям. Но я благодарен Лицею св. Николая - его преподавателям, воспитателям за то, что они дали

нам правильную путёвку в жизнь.

В народе говорят: «Жизнь прожить - не поле перейти». Жизнь сложилась тоже нелегко. Много невзгод, разочарований, неудовлетворённости в работе пришлось испытать. Но неизменным оставалось одно - любовь к искусству. И это определило характер моей дальнейшей работы по сегодняшний день.

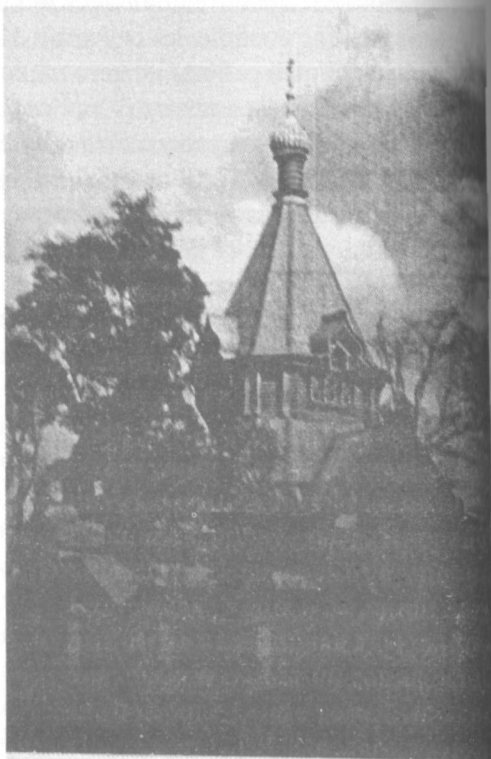
Семьёй обзавёлся поздно - так складывались жизненные обстоятельства. Поэтому внуков пока ещё нет. В семье всё нормально, нет конфликтов и разногласий. Много приходилось жить в общежитиях, начиная с первых лет приезда в Советский Союз на целину. Теперь всё это позади, но годы прошли и здоровье уже не то. Пять лет назад перенёс инфаркт миокарда, кроме того в последние годы стали болеть коленные суставы. Это или артроз или отложение солей. Пробую лечиться.... Пока ещё результатов не видно. Быстро ходить, а тем более бегать не могу. Но я не сдаюсь: продолжаю работать в театре. Работа у меня в основном физическая, почти целый день на ногах. Стараюсь больше ходить.

За время работы в Оперном театре с 1966 года мне приходилось бывать в разных городах Союза, во время очередных отпусков и во время гастролей театра (по ремонту спектаклей). Побывал также на Украине: Днепропетровск, Полтава, Винница, Симферополь, Севастополь, Ялта, Феодосия, Алушта. Когда работал на железной дороге, то ездил каждый год в Ленинград, дважды был в Риге. В 1982 году был на гастролях во Владивостоке (до Харбина 400 км. - рукой подать), в Хабаровске и Комсомольске-на-Амуре. После 1985 года наш театр больше не бывал на гастролях (в полном составе). Были гастроли артистов балета и солистов оперы.

В феврале 1998 года будет 32 года, как я работаю в театре. Он стал для меня как бы вторым домом. Работа эта связана с большим искусством, что придаёт моральный стимул. Конечно, не все работники разделяют мою точку зрения, некоторые работают потому, что надо где-то работать, а театральная жизнь их мало интересует. Пока здоровье позволяет - буду работать. Так незаметно проходит время. Скучать не приходится. По дому тоже всегда что-нибудь приходится делать. Все книжные шкафы и полки сделал своими руками. У тебя нет какой-нибудь литературы о нашем Кафедральном Соборе? Очень хотелось бы, чтобы к 100-летию Харбина был бы выпущен хоть небольшой сборник.

ПРАВОСЛАВНАЯ ЦЕРКОВЬ В ХАРБИНЕ И «КУЛЬТУРНАЯ РЕВОЛЮЦИЯ»

18-го августа 1966 года в Св. Николаевском соборе совершалось торжественное всенощное бдение. В то же время на площади между отелем «Нью Харбин» и Московскими рядами хунвейбины собрали многолюдный митинг, на котором, как потом стало известно, решалась судьба Собора и всех харбинских церквей. Казалось, ничто не предвещало скорого злодеяния. На другой день, 19-го августа, был праздник Преображения Господня и служилась литургия. Никто не думал, что это будет последней литургией в Соборе.

Служил её о. Стефан У, последний настоятель Собора. Во время службы в Собор вошло несколько молодых китайцев, говорящих по-русски. Отрекомендовавшись студентами Пекинского политехнического института, молодые люди попросили разрешения подняться на хоры, где они простояли всю литургию, с интересом следя за ходом богослужения. Прощаясь, они сказали, что им здесь понравилось и они придут ещё. И это «ещё» настало! Утром 23-го августа 1966 года, в разгар «культурной революции», хунвейбины, возглавляемые студентами Пекинского политехнического института, с барабанным боем, с плясками и криками победы ворвались в Св. Николаевский кафедр-

ральный собор с явным намерением учинить разгром и не оставить «камня на камне».

Весть о действиях хунвейбинов быстро разнеслась по городу, и кто мог поспешили к Собору с надеждой уладить дело и предотвратить то, что казалось ещё простым недоразумением. В том числе поспешили к Собору и мы, пишущие эти строки. Чем ближе мы, однако, подходили, тем более явно убеждались, что тревога была не напрасной. То, что пришлось видеть, вселило в душу ужас: гремели барабаны, слышались крики и завывания толпы, шёл дым... Ограда Собора была заполнена хунвейбинами. Одни из них карабкались на крышу Собора, чтобы поставить там красные знамена, другие выносили изнутри наши святыни и швыряли их в разожжённые костры, где всё сгорало, сверкая на солнце. Горело два больших костра - один в ограде Собора, другой у входа в Иверскую часовню. На этих кострах были сожжены все иконы Собора и часовни, в том числе образ Святого Николая-Чудотворца, стоявший многие годы на харбинском вокзале, затем в Иверской часовне и, незадолго до злодеяния, перенесённый в Собор. В тот же день были сожжены все святые иконы, находившиеся в закрытом в то время Св. Алексеевском храме в Модягоу и в Свято-Иверском храме на. Офицерской улице. Во время сожжения колокола всех трёх храмов не переставали звонить и звонили все последующие дни, терзая душу верующих - это китайские хулиганы дорвались до недосягаемого им прежде и упивались теперь торжеством.

На другой день, 24-го августа, началась разборка крыши и стен Собора. Сначала, с помощью пожарных лестниц, разобрали главный шатёр и окружающие его кровли и купола. Затем приступили к бревенчатым стенам, с которыми покончили молниеносно. 27-го августа, в канун Успения, от Собора уже не осталось ничего, кроме фундамента. На его месте был выстроен очень высокий памятник, посвященный «борцам культурной революции». Через несколько лет, когда «культурная революция» уже потеряла свою популярность, он был разрушен. Теперь на этом месте устроен сквер: разбиты клумбы с цветами, проведены посыпанные песком дорожки, устроен фонтан. Этот сквер, утопающий летом в цветах, напоминает большую могилу в память Собора, могилу без креста.

Возможно, что Собор был единственной церковью Харбина, разрушенной до основания. Остальные церкви, как будто бы, уцелели, но китайская власть нашла для каждой из них совсем другое применение. Свято-Иверский храм на Офицерской улице стоит на месте, но, по распоряжению властей, купола и кресты с него сняты. До 1964 года, когда умер последний настоятель, здесь периодически совершались богослужения, но проходили они всегда с крупными неприятностями, т.к. рядом с Иверским храмом китайцы открыли клуб китайской рабочей молодёжи (в помещении бывшей Серафимовской столовой), где устраивали танцы под громкую и дикую музыку. Это всегда совпадало с часами богослужений, и музыка и выкрики хулиганов заглушали церковное пение. Бывало, что церковь наполняли китайские ребяташки, которые орали, пели, приставали к богомольцам и копировали священников и молящихся. Вскоре после закрытия Св. Иверского храма в 1965 году в нём была устроена пошивочная мастерская.

Св. Софийский храм превращен в общежитие для рабочих. На цветных фотографиях, снятых в августе 1978 года, можно различить кучи угля, сваленного у стен, и развешанное на верёвках бельё. На них же видна ржавчина, покрывшая верх главного купола. В Благовещенском храме на Полицейской улице устроен цирк. Св. Алексеевский храм в Модягоу превращен в столовую для рабочих, а часть его занята под продовольственный склад. В стоящем рядом старом храме устроена пошивочная. В Мужском монастыре в Гондательке оборудован завод по изготовлению щитов из прессованной стружки. Успенский храм на Новом кладбище превращен в «Клуб смеха». В нём установлены кривые зеркала и другие вида развлечений. Территория бывшего кладбища постепенно застраивается. Покровский храм на Старом кладбище нашёл применение как книгохранилище. При устройстве последнего православного кладбища за район Санкешу там была сооружена небольшая церковь, в которую перевезли иконостас Борисо-Глебской церкви Чен-хе, а также иконы из неё и из церкви Московских казарм.

О судьбе остальных церквей известно мало: Дом милосердия был закрыт в 1964 году, Мужской монастырь - в 1960 году, Женский монастырь - в 1965 году. Все линейные храмы были закрыты ещё в 1958 году по приказу властей.

III.

КОРАБЛЬ-ПРИЗРАК «РУССКИЙ ХАРБИН»

В.Л.

300 ТОПОНИМОВ, НАЗВАНИЙ И УЛИЦ

Есть в Маньчжурии город с необычной и сложной родословной - Харбин. «Центром белой эмиграции» становится он после того, как нашли там приют русские беженцы и изгои гражданской смуты, среди которых оказался и мой дед с выводком своих последышей. К началу двадцатых годов Харбин в общем был уже обустроен. Город основали в самом конце прошлого века (1898 год), и в начале нашего столетия его обживали российские предприниматели и мещане. Изыскатели, инженеры, техники и рабочие проложили железнодорожный путь через Маньчжурию и вывели Транссибирскую магистраль на Дальний Восток, к Тихому океану. Замысел осуществлялся ошеломляюще, однако по самому большому счёту, в исторической перспективе, имперская и силовая политика царского правительства (Столыпина, Витте и др.) на сей раз оказалась не дальновидной, а разорительной для России. Сегодня город живёт новой жизнью, и ему, естественно, нет дела до тех, кто его начал. Первопроходцев, понятно, нет в живых. Их внуки и правнуки давно покинули те места и рассеялись по свету. Но у города была история, и она пока остаётся в камне домов и мостовых, в линиях улиц. Первоначальные русские названия их, конечно, давненько сменились на собственные китайские. Русские имена - урботопонимы - относятся к прошедшей действительности, и их могла сохранить для нас старая карта города, или адресная книга, или телефонный справочник. Много адресов было в рекламах, за счёт которых существовали десятки харбинских изданий, газет и журналов. Но их уж давно не найти нам. Да, может, помнят ещё до поры до времени какую-то часть прежних, русских названий улиц двадцать стариков, ко-

торые, родившись в Харбине, упрямо остались в нём жить-поживать, наперекор всем веяниям и трудностям. (Эти странные, по нашим представлениям, упрямы - самые-самые последние из многих десятков и сотен тысяч разъехавшихся по миру харбинцев).

Нужно верить, что противоречивые и запутанные маньчжурские страницы, важнейшие в общей истории взаимоотношений Китая и России, безусловно, будут написаны достойно, трезво и непредвзято, без ложной стыдливости, без амикошонства, без дипломатничанья, без какого бы то ни было идеологического высокомерия или националистической чванливости, без чрезмерной тенденциозности. Одним словом, по-человечески. В наши дни из космической выси земные города читаются осмысленными иероглифами, представляющимися живыми существами. И на географическом теле нашего соседа, в близкой к нам северной широте, в таинственных китайских знаках и стертых маньчжурских письменах, только присмотритесь, можно увидеть по крайней мере одну значительную, оставшуюся отнюдь не от случайной связи, насилия или сговора, очень русскую линию, топографическую пропись и символ своеобразнейших форм человеческого общежития и коммуникации.

Ещё живы многие из тех родившихся в Харбине людей. Харбинцы, разбросанные по всем континентам, - русские, украинцы, евреи, армяне, татары, поляки, греки и многие другие. Там в Северной Маньчжурии, в городе странной истории, провели они беззаботную пору и часть жизни - детство, убежавшее в даль памяти, юность, молодость. Летят за днями дни, стаями месяцы.словно в архив, спускаются наши годы. Плотными слоями складываются десятилетия судеб. Проходит и идет жизнь.

Не так это просто понять и решить навсегда, свободны ли люди от среды и обители, насколько растяжимо вширь пространство их обитания. Как знать, так ли уж бесконечна независимость каждого от почвы, участка, земли на своей планете. Почему же далеко не всегда и вовсе не для всех бесследны и безболезненны дерзновенные переселения, разрывающие невидимые первородные спайки и связи питомцев. Что делает с человеком воздух и твердь, природа, первые ощущения и впечатле-

ния, первые звуки и запахи, первые образы, виды и мифы - кто это может знать? Сергей Булгаков, став протоиереем во Франции, переживал свою эмиграцию, рассуждая так: «Родина есть священная тайна каждого человека, так же, как и его рождение. Теми же таинственными и неисследимыми связями, которыми соединяется он через лоно матери со своими предками и прикрепляется ко всему человеческому древу, он связан через родину и с матерью-землей, и со всем божьим творением... Моя родина... Там я не только родился, но и зародился в зерне, в самом своем существе, так что дальнейшая моя, такая ломаная и сложная, жизнь есть только ряд побегов на этом корне. Всё, всё моё - оттуда» (С.Булгаков. Автобиографические записки. Париж, 1946).

Л.Н.Гумилев размышляет над тем, как географическая среда влияет на людей, на какие именно закономерности жизни человечества особенно значительно воздействие ландшафта и «месторазвития» и в какой степени этносы, племена и люди, являются составной частью оболочки Земли, называемой в наши дни биосферой. Он знает, что зависимость человека от окружающей его природы, то есть от географической среды, не оспаривалась никогда, хотя степень этой зависимости разными учёными расценивается различно. Участок земной поверхности, представляющий собою целостную совокупность предметов и явлений, образует ландшафтную оболочку. Некоторые уверены, что географический ландшафт накладывает особый отпечаток на организм и воздействует на него принудительно. Как знать, не объясняет ли эта версия природу и органику ностальгии.

Живыми линиями и чутким рисунком иероглифа остаётся во мне волшебная печать, след и влияние скрытного Востока. Я прожил в том Харбине от рождения полных двадцать лет. И хотя с тех пор прошло ещё тридцать шесть, Харбин тридцатых-пятидесятых, населённый моими земляками и друзьями, остаётся и родным, и близким. Он снится мне, как ни один другой город. И ни Москва, и ни Токио, и ни Петербург, и ни Харьков, а Харбин, город детства на реке Сунгари.

Вскоре, лет через пятнадцать - увы! - останется вовсе мало харбинцев и в Австралии, и в Бразилии, и в Северной Америке,

и в Европе, и в Японии, и у нас в стране, чтобы кому-то захотелось и сумелось вспомнить и рассказать о той неожиданной российской колонии. Постепенно сотрутся в человеческой и исторической памяти, словно надписи на заброшенном могильном камне, названия и нравы улиц, переулков, бульваров и проспектов огромного современного поселения и цивилизационного центра на реке Сунгари, притоке Амура. Потом померкнет и исчезнет навечно твой взгляд и образ вполне культурного города неповторимой и исключительной судьбы, с его неожиданным происхождением и сложным характером, русским обликом, архитектурой и планировкой, отразившими, порыв и мечту первопроходцев, строителей, железнодорожников и первых жителей. В целом то был народ предприимчивый, устремленный в свое будущее, весьма живой и небезгрешный.

Изначально Харбин был примечательным явлением в мире и городом, притягательным для многих. Строился он специалистами по плану. В его позе, стати и теле есть природные ориентиры и направления, которые найдены и начертаны градостроителями-профессионалами. Проектировщики и архитекторы понимали, что по проложенным ими - сперва в своем воображении - линиям проспектов и улиц жители реального поселения в скором времени начнут ходить и ездить на работу, по делам, друг к другу в гости и просто так, пусть даже без цели, прогуливаясь. В проекте будущего города закладываются определённые его скорости и ритмы.

Город расположили в пространстве удачно и старались построить его грамотно, чтобы людям в нём было удобно, уютно и по возможности легко жить. Строился он и рос быстро. С самого основания предусматривались и создавались в нём, энергично и инициативно, необходимые условия и удобства, достаточные для полнокровной человеческой жизни. Проблем и трудностей хватало. Одновременно с жильём, железнодорожными объектами, учреждениями и предприятиями строились церкви, магазины, мельницы, спиртзаводы, значные места, больницы, клубы, библиотеки, школы, театры. Сразу появились в городе банки, биржа, рынки, склады, таможня, представительства, газеты. И очень скоро гимназии, училища, институты.

Харбин не отличался помпезностью и особой роскошью, но

не было в нём скуки, однообразия, бессмысленной пустоты, пустырей, утомительных переходов, длинных глухих стен, замкнутых коридоров. Был он в меру гармоничен: и разнообразен, и соразмерен, и насыщен. Земля стояла там денег, и подчас ее негде было взять. Поэтому улицы, по нашим меркам, узкие, а площади - одно название. Из сегодняшнего дня город тот, собранный и компактный, может показаться кому-то слишком миниатюрным. И, пожалуй, то был особенный стиль: пестрота и большая плотность, теснота и скученность разнообразных вывесок и заведений по всем основным магистралям и улицам города.

Харбин родился сразу зрелым городом. Он не был ни деревней, ни посёлком. Его быстро застроили каменными домами, большими зданиями, оснастили сложным муниципальным хозяйством, вымостили дороги, электрифицировали, провели телефон, пустили трамвай. Возникал цивилизованный экономический и урбанистический организм. Хозяйствование в атмосфере международного сотрудничества и острого соперничества вызывало подъём и предпринимательский азарт, обогащение и разорение дельцов, в современном интернациональном городе. Жителями усваивалась новая культура общежития и вовсе не провинциальные навыки и нормы взаимопонимания и общительности.

Новый город вытянулся на возвышенности в нескольких километрах от правого берега Сунгари. Главная его линия, с востока прямо на запад, - Большой проспект, разделённый примерно пополам Соборной площадью. Достопримечательный Собор, деревянное русское зодчество, привезён в начале века из Сибири и здесь, на высшей точке, собран. Вокруг Нового города, первоначального административно-культурного центра, сосредоточились другие, более низкие районы. В южном направлении - это Модягоу, за ним Алексеевка и далее, оторванно, Старый Харбин. К западному концу (началу) Большого проспекта примыкают: Саманный городок, Корпусной городок, Славянский городок, Московские казармы. Вниз, в сторону Сунгари, т.е. на север от Собора, и от вокзала, Пристань, западнее которой («выше») Сунгарийский городок, Нахаловка и Ченхэ. Восточнее, или «ниже» (по течению), - китайский город (район) Фуд-

зядянь.

В городе сталкиваешься с прохожими, слышишь речь, звучание и шум транспорта, имена людей и обращение, названия магазинов и улиц. Шагая по тротуару и брусчатке дороги, видишь планировку и профиль улиц, фасада зданий, меняющиеся ряды витрин магазинов, ощущаешь запахи, зов и соблазны. Город словно огромная сцена жизни, в движении и потоке событий. Прошел улицу - и меняются декорация и действующие лица. В таком городе, уютном и близком, архитектурная культура и внешняя опрятность ансамблей рождают в человеке чувство достоинства и сдерживают в нём халатность, слабости и небрежность социальных жестов. Камни гулко отражают звучание и возгласы разноголосой жизни, энергию наполненных настроением и живостью шумов, навевая и внушая прохожим песенность, лад и бодрость. Особую симфоничность огромного городского инструмента создают комплекс и единство намеренных и произвольных форм, линий, светотеней, размеров, профилей и пропорций тротуаров и дорог, растянутость, плотность и тембр дорожных покрытий, восковые позы и походки завсегдатаев и спешные ритмы встречных прохожих, краски и плотные формы корзин, наполненных снедью, лотков, киосков, продавцов на каждом шагу.

На старой русской карте города Харбина можно насчитать 249 названий улиц, 11 проспектов, 8 переулков, 7 кругов, 7 линий, 4 бульвара, 2 шоссе, 2 площади, один разъезд, ряды, один Виадук и один Да-Тун. Всего 294 различных топонимических имени - названий улиц, проспектов, переулков и т.п.

В соответствии с давней российской традицией улицы нарицались стихийно, в зависимости от того, что там первоначально появлялось более приметное. По-видимому, именно с такой мотивировкой (от того или иного предприятия или учреждения) на карте города родились улицы под названиями: Аптекарская, Больничная, Вокзальный просп., Вокзальный пер., Ипподромное шоссе, Пекарная, Почтовая, Телеграфная, Судная, Тюремная, Участковая, Полицейская, Школьная, Институтская, Портовая, Пароходная, Пристанская, Причальная, Церковная, Соборная. Еще более распространенным у нас типом топонимов являются названия улиц с естественной (пространствен-

ной) мотивацией: Большой просп., Диагональная, Короткая, Косая, Кривая, Крутая, Магистральная, Низкая, Окружная, Поперечная, Продольная, Радиальная, Раздельная, Сквозная, Спускная, Срединная, Трактовая, Широкая, Нагорная, Загородный просп., Западный бульвар, Нагорный просп. К этой группе наименований улиц примыкают городские топонимы: Временный пер., Вторая ул., Главная, Глухая, Малый пер., Новая, Чистая. Для Харбина не случайны названия улиц: Движенская, 1-ая и 2-ая Дёповская, Железнодорожный просп., Заводская, Линейная, 16-ая и 17-ая Механическая, Путевая, Строительная, Техническая, а также Инженерная, Кузнечная, Столярная, Ямская или Водопроводная, Трамвайная, Электрическая. Были в Харбине улицы под названием: Административный бульвар, Думская, Конторская, Правленская, Таможенная. Отзвуком Русско-Японской войны (1904-05 гг.) остались в Харбине названия улиц со специфической военной биографией: Армейская, Артиллерийская, Батальонная, Бригадная, Ветеринарная, Военная, Гарнизонная, Гренадерская, Гужева, Драгунская, Зейско-отамановская, Инвалидный пер., Увечный пер., Интендантская, Казачья, Комендантский пер., Конная, Корпусная, Лагерная, Оружейная, Офицерская, Охранная, Пограничная, Ротная, Сапёрная, Сигнальная, Солдатская, Стрелковая, Траншейная, Фуражная, Штабная, Штурмовая. Были когда-то в Харбине улицы: Ангарская, Двинская, Донская, Закаспийская, Кубанская, Ладожская, Онежская, Сибирская, Ходинская, Чудская. Нетрудно догадаться о причине подобной номинации. Эти названия есть маленькие осколки человеческой памяти о его большой и единственной Родине. Названия улиц как бы сигнализируют о происхождении и Отечестве тех, кто строил город и первым жил на этих улицах: Белозерская, Благовещенская, Варшавская, Владивостокская, Воронежская, Житомирская, Иркутская, Киевская, Коломенская, Красноярская, Львовская, Московская, Нерчинская, Омская, Псковская, Севастопольская, Сретенская, Хабаровская, Харьковская, Читинская. Ассоциации российские дополняются местными связями, и вот являются имена со «здешним» и китайским происхождением: Ажихейская, Айгунская, Гиринская, Куанченская, Ляоянская, Модягоуская, Мукденская, Пекинская, Сахалинская, Телинская, Хайларская, Цици-

карская, а также Харбинский просп., Старохарбинское шоссе. Названия улиц косвенно могут подсказать о национальном составе жителей города. На карте Харбина в первой трети столетия были улицы: Армянская, Балканская, Бельгийская, Бурятская, Зырянская, Кавказская, Китайская, Корейская, Маньчжурский просп., Монгольская, Румынская, Сербская, Славянская, Черногорская, Японская.

Показательно, что в Харбине существовали улицы, отмеченные знаком торговли: Базарная, Банковская, Биржевая, Коммерческая, Страховая, Товарная, Торговая, Новоторговая, Магази́нная, Продовольственная, Рыночная, кроме того также Дровяная, Канатная, Кирпичная, Ханшинная. В каком русском городе нет названий улиц с естественной, «природной» мотивировкой, и в Харбине они были: Болотная, Лесная, Озерная, Полевая, Речная, Заливная, Отливная, Прибойная, Садовая, Бульварный просп., Дачная, Колодезный пер., Заборная, Саманная, Мостовая, Насыпная, Разъезжая. Это очень простые и милые русские слова. Столь же простыми и сердечными казались названия улиц: Антоновская, Борисовская, Бородинская, Владимирская, Ильинский бульвар, Константиновская, Максимовская, Митрофановская, Михайловская, Надеждинская, Ниловская, Сергиевская, Татьянинская. Наконец, улицы с мемориальными названиями, что тоже нечто определённое означает: Гоголевская, Брусиловская, Королевская, Пастеровская, Скобелевская, Соболевская. Названия улиц с родительным собственным имени, типичные и распространенные в наше время, тогда в Харбине были относительно редкими. На карте города Харбина мы насчитали всего семь таких улиц: ул. Вершинина, ул. Гондатти, ул. Некрасова, ул. Толстого, просп. Хорвата, ул. Чехова и ул. Шевченко. Естественно, были и сложные, или двухсловные, наименования улиц, типа: Малая Аптекарская, М. Биржевая, М. Киевская, М. Пекарная или 2-ая Деповская, 2-ая Диагональная, 2-ая Портовая, 2-ая Псковская, 2-ая Радиальная. Поперечных улиц было пять: 1-ая, 2-ая, 3-ая, 4-ая и 5-ая. И имелось семь Продольных улиц, последовательно от 1-ой до 7-ой.

Это только на первый взгляд может казаться, что названия улиц и собственные имена на карте города совершенно произвольны и условны. Китайцы называли свои улицы преимуще-

ственно просто числительными, все подряд и по порядку: первая, вторая... двадцатая (сколько было). Нужно сказать, практически, чтобы найти улицу, это, безусловно, удобно. Но Азия - это особая культура, отличное от нашего мировидение. Заметим, что названия месяцев и дней недели в китайском и японском языках основываются также на счётных словах. (Впрочем, и у нас «вторник», «четверг» и «пятница» образованы ведь от соответствующих числительных - второй день, четвёртый, пятый).

На самом же деле для нашего языкового сознания, глубоко, город - словно бы живое и разумное существо, которое, естественно, требует от нас более эмоционального отношения, человеческого обращения, почти культового освящения при именовании. Подлинному хозяину вовсе не безразлично, какое выбрать (и иметь) имя для своего местожительства. Адрес - это важнейший знак в современной цивилизации и нашей культуре. Люди были и остаются пристрастными к имени вещи, человека, животного, и в такой же мере они требовательны к именно-му обозначению своего местообитания и адреса, как бы ощущая фатальную связь между предначертаниями судьбы объекта именованного, что называют, и присвоенным ему именем. Таким образом, имя становится идеологическим знаком, влияющим на признание тех или иных ценностей мира. Вместе с тем, имя таит в себе миф.

Когда в Харбине начала века называли улицы именем Шевченко или именем Толстого, конечно, не было чисто административной санкции, а была борьба и соперничество мнений. Не случайно там также и имя Чехова. В выборе, или предпочтении, этих символических имён отражалась стихийная идеология самих горожан.

Любопытным документом предстаёт сегодня заявление домовладельцев и жителей, которое было оглашено в официальном докладе Городского Совета №86 за 1909 год под названием «По ходатайству домовладельцев и жителей Тюремной улицы о переименовании Тюремной улицы». В заявлении сказано так:

«С начала существования города Харбина все названия улиц, за исключением некоторых на Пристани, носили простое и понятное каждому наименование, распределялись на два по-

рядка, Ново-Пристанские улицы, и затем разделялись на нумерации, в последовательном порядке, а именно первая, вторая и т.д. Затем неизвестно нам по каким соображениям это арифметическое обозначение улиц решено было изменить, заменив его различными наименованиями, из которых некоторые получили свое происхождение в память различных национальностей, населяющих Харбин, другие получили своё название по некоторым признакам, которые особенно рельефно имели какое-либо соотношение к данной улице. Вообще, вероятно, была применена система приурочивания к названию улицы таких её признаков, которые ближе всего давали бы населению возможность легчайшей ориентировки для нахождения и отличия одной улицы от другой.

Казалось бы, что если действительно и требовалась такая реформа в переименовании улиц на Пристанях, то при этом надлежало бы также и сообразоваться с благозвучием, тем или иным значением придаваемого улице названия, чтобы до известной степени такое название почему-либо не оказалось производящим на жителей неприятного впечатления, которое постоянные жители улицы поневоле должны испытывать постоянно в продолжение всего последующего времени существования улицы.

В этом отношении наименование Тюремной ул. именно производит то не только неприятное, но и угнетающее впечатление, которое нам, жителям Тюремной ул., приходится испытывать постоянно, несмотря на то, что в таком наименовании мы решительно неповинны и в выборе такого наименования не принимали никакого участия.

Нечего и говорить, что такая достопримечательность, как тюрьма в центре города, сама по себе крайне неприятна и возможна только в Харбине, где по официальным данным тюрьма вовсе не существует. Нечего и говорить, что само название «Тюремная» по всевозможным причинам не может почитаться благозвучным и от одного такого постоянного напоминания всякому обывателю в наилучшем случае приходится испытывать лишь одно неприятное чувство отвращения. Поэтому не подлежит никакому сомнению, что для нас в особенности, как жителей Тюремной ул., такое наименование нашей улицы до крайности неприятно и совершенно незаслуженно. Поэтому мы

желали бы непременно заменить это название нашей улицы каким-либо другим, не вызывающим в нас таких отрицательных чувств.

В настоящее время достаточно часто наступают и наступали юбилеи различных знаменитостей и дорогих наших соотечественников, именами которых во многих городах России принято называть некоторые улицы, чем достигается сразу и возможность увековечить имя юбиляра и способствовать сохранению об нём хорошей памяти и оказать известного рода дань памяти и заслугам чествуемого лица. Между тем в Харбине, городе существующем исключительно благодаря русским, ещё ни одна улица не получила названия по имени какого-либо русского, тем или другим способом заслужившего права на уважение и признательность.

Поэтому, указывая на эти соображения лишь как на мотив для исполнения нашей просьбы, мы почтительнейше просим Городской Совет не отказать выступить с инициативой ходатайства, где будет следовать о перемене названия нашей улицы на более благозвучное не только для слуха, но и по самому его значению»

(Следует 14 подписей).

По заслушании Городской Совет по журналу № 176 1909 года постановил: «Представить Собранию Уполномоченных с предложением Городского Совета переименовать Тюремную ул. в «Московскую» или «Бурятскую».

(Известия Харбинского Общественного Управления,
№ 6. Ноябрь-декабрь. Харбин, 1909, со. 103-111)

Мы воспроизвели полностью коллективное прошение группы жителей Харбина (которому едва перевалило за десять лет от основания), своего рода обращение к муниципальной власти, интересное для нас прежде всего в человеческом плане. Текст, человеческий продукт, сохраняет характерную стилистику обывателя, задетого и заинтересованного. Именно поэтому в произведении словесности проявляется и пафос, и декларативность на достигнутом уровне грамотности и образованности. «Мещанский» слог и высокопарность просторечной манеры изложения создают своеобразное впечатление о развитии и

культуре первых поселенцев харбинских окраин, представляя собой следы и речевой образ харбинца-старожила и исторический тип российского мещанина и домовладельца в Северной Маньчжурии начала нашего века.

Однако улицу почему-то не переименовали, и она так и осталась Тюремной. Я жил рядом и на протяжении многих лет ходил по ней: в школу и из школы или в Совклуб (Коммерческое Собрание) и обратно. Конечно, без ущерба для себя, без потери времени и без удлинения расстояния, можно было выбрать и другой маршрут, но мне привычнее было ходить почему-то именно по Тюремной. Она была преимущественно жилой и одноэтажной. Трёхэтажных зданий, магазинов и предприятий с вывесками на ней не могу вспомнить. Мать моего школьного приятеля Кости промышляла гаданием и хиромантией, и на дверях их дома, на Тюремной ближе к Китайской, кажется, висел какой-то знак. Тюремная относилась к улицам малого движения, шириной 6 сажень и длиной 111 сажень. Это проезжая часть, без тротуара. Дорога была вымощена булыжниками. Улица замыкалась со стороны Китайской тюремной стеной, а со стороны Новгородней - оградой Городского сада. Понятно, что извозчикам и рикшам, тем более автомашинам сворачивать и ездить по ней было неудобно. Зато ходить по ней было свободно и спокойно.

Попробуем прогуляться по Пристани. Если, к примеру, направиться по главной пристанской улице Китайской со стороны Сунгари, от Благовещенской церкви, прямо на юг, к Диагональной (далее через Виадук Новый Город), то пересечешь 16 улиц по левую руку - Полицейскую, Магазинную, Тюремную, Коммерческую, Корейскую, Биржевую, Японскую, Монгольскую, Конную, Страховую, Ямскую, Чаньчунь, Мостовую, Короткую, Сквозную, Школьную - и 10 поперечных улиц по правую руку - Полицейскую, Коммерческую, Аптекарскую, Биржевую, Пекарную, Конную, Ямскую, Саманную, Короткую, Сквозную. На всех этих и многих других жили русские и люди иных национальностей. И чем-то улицы эти были примечательны. Я напрягаю память, чтобы как-то вспомнить, что я там видел и что там делал, где и у кого бывал, с чем и зачем. Мелькают тени прошлого, как привидения. Те дни - покойники. Нужно ли их

тревожить?! Все, действительно, уйдет в прошлое, во мрак. И настоящее станет прошлым, как это бывает со всем. А нельзя ли на это смотреть иначе: все, что было, то остаётся и есть всегда. Твое прошлое, настоящее и будущее - это одна жизнь, в неразрывном единстве, совокупно. Такое целостное мировосприятие зависит только от тебя, и оно более объёмно и содержательно. Родовая и историческая память обогащает нас. Мы имеем лишь то, что помним и храним в себе, передавая детям и внукам.

Помнится или кажется, улицы города при свете дня почти не бывали безлюдными и пустынными. С утра до вечера там шла размеренная жизнь, и непременно происходило что-нибудь в соответствии со временем года. По дороге зеленщик катит тележку, груженную зеленью и овощами. Чаще это летом и осенью. Зимой старик-лосян в ватной куртке таскает на себе самодельное сооружение - три деревянных ножки - с нехитрым зимним лакомством «тахула». Время от времени, не спеша, и зорко приглядываясь по сторонам, покачивая пустыми корзинами, мягкой походкой пройдет и прокричит старьевщик. В соответствующее время ждите паяльщика или точильщика. И у каждого свои позывные. Их не спутаешь, к ним привыкаешь и узнаешь. Может завязываться знакомство.

По праздникам русские барышни и накрашенные дамы, бывало, ходили парами по многолюдным улицам, приглашая встречных пожертвовать - на помощь сиротам, бедным, ещё на что-нибудь. Сбор пожертвований (жестяные копилки, бумажные цветочки на лацкан) - это русский обычай.

Неожиданно в открытых подъездах больших домов появлялся стройный еврей с прозвищем Пушкин, черноволосый и курчавый, и исполнял арии из опер, громко и хорошо поставленным голосом. Он во всём мог продемонстрировать умение и виртуозность: в шахматы, в бильярд, в теннис, в английском. Он был быстр, подвижен, насмешлив и образован. Ходила легенда, что Пушкин бросил в Шанхае жену с детьми, оставил там своё состояние, и какое-то время был харбинской достопримечательностью. Конечно, он был психически болен - не сосредоточен, а рассеян, быстро скрывался, избегая всякого общения с дотошными обывателями, злоупотреблявшими интере-

сом и любопытством к интимной и личной жизни. Другой наш несчастный был Натан. Этот страдал очевидным физическим недугом. Он медленно проходил несколько кварталов, шаркая по тротуару подошвами и дёргаясь всеми конечностями. Плоское лицо, в сильных очках, искажалось в судорожной мимике и тряске. Он медленно и невнятно выталкивал из себя рваные звуки вместо слов. Разбитый таинственным недугом Натан слыл тем, что в устном счёте умножал безошибочно большие числа одно на другое. Школьники называли трёх- и четырёхзначные числа и оставляли на время больного, а тот ковылял, поднимая лицо к небу, пока не заканчивал расчёты и не выдавал ответ, поражающий заказчиков-мальчишек. Какое-то время этот калека - единственный сын раздутых, как утки, и молчаливых родителей, которые часто вдвоём сопровождали своего выкорымыша в утомительных прогулочных церемониях по Артиллерийской улице, в районе между мечетью и синагогой, - был одной из наших знаменитостей. В каждом районе города всегда имелись свои штатные несчастные, и они периодически сменялись. На папертях просили милостыню нищие. Встречались изредка убогие и тихопомешанные. В войну по утрам выстраивалась очередь за хлебом у кондитерской на углу Китайской и Коммерческой. В урочный час, когда открывался магазин, люди покорно пропускали вперёд дурачка-детину по прозвищу «Первый», одно из немногих слов, которое тот усвоил.

Вспомнилась Пасха 1954 года, когда пришлось обойти полгорода в один день. Утром меня поднял с постели В.Скиданенко, успевший перебраться через Сунгари из Затона. Была ранняя весна. Быстренько собравшись, пошли к тете Вере и разговелись: «Христос воскресе!», «Воистину воскресе!». От нас спешно выбрались визитерить, т.е. навестить и поздравить родных и друзей, близких. Начали с близживущих. Напротив стоял двухэтажный дом Гриценко. Глава семьи - хозяин мастерской, в которой токарил мой товарищ. У Гриценко были две дочери - Рита и Мила. Первым делом мастеровые поздравляли обычно своего хозяина. Мы перебежали дорогу и поднялись на второй этаж. В этот день неожиданных гостей в принципе нет, но я еще не привык к этому. Мы оказались самыми первыми визитерами в этом доме. В гостиной накрыт стол, разнообразно и обильно.

бабушка украинскою мовою приглашает нас к столу. Присели, солидно выпили по рюмочке, для виду закусили, чем попроще и скромно откланялись. Понятное дело, расслаживаться некогда. Мы пробежали сонную Магазинную, незаметно проскочили кусочек Китайской и дальше повернули направо, на Коммерческую - и мимо Совклуба, без остановки, быстрым шагом идём и погу, говорим мало. Перейдя Артиллерийскую, зашли к Гавронским (домик по левую руку), поздравляем Ленкину мать. В такой день сына, конечно, нет дома. У него свой маршрут, и где-то мы с ним можем столкнуться. После последнего наводнения мать с сыном из Затона перебрались в эту комнатку, с тонкими и звукопроницаемыми стенками. В каждой харбинской семье, известно, свой достаток и возможности, что отражается и сказывается в сервировке и наполнении праздничного стола, но сегодня все мы несем единый подъем духа, пасхальное настроение, какие-то смутные предчувствия и ожидания чуда.

По улице Казачьей, напротив «Розовой» школы, стояли кирпичные дома железнодорожников. В одном из них жила Муся Шошина с родителями. Направляясь на Биржевую, мы проскочили мимо. Наискось от стадиона-трека жили Вениамин и Ольга Садовские. У них в Верхнем Затоне была дача, и предприимчивый Венья выращивал там свиней. Я видел, как свое стадо бестолковых поросят он гонял, чтобы помыть, к Зотовской протоке. В городе у него тоже было своё дело - что-то там мастерили. Постепенно мы расслабились и вошли в азарт. Чуть раскрасневшиеся, оживились и говорим громко. Женщинам, хранительницам очага, конечно, положено сидеть дома сегодня. Барабаним в незапертую дверь и входим. Черноглазая и миниатюрная хозяйшкa со своей очень весёлой товаркой встречают нас, шумно выражая радость. И мы в восторге и без следов робости: «Христос воскрес!»». Нам весело и смешно. Звонок в дверь напомнил, что нам пора. Совсем близко, на той же Казачьей, живёт Сергей Скиданенко. Со светлым праздником отправляемся поздравлять родного брата, невестку Нину и племянницу Лару. Надо вести себя пристойно, но нас ведет: «Не бери в голову!», «Не беру», «Имеем право», «Бесспорно». Излишне чинно стараемся отразить пронзительно-лукавый взгляд Ларисы Сергеевны.

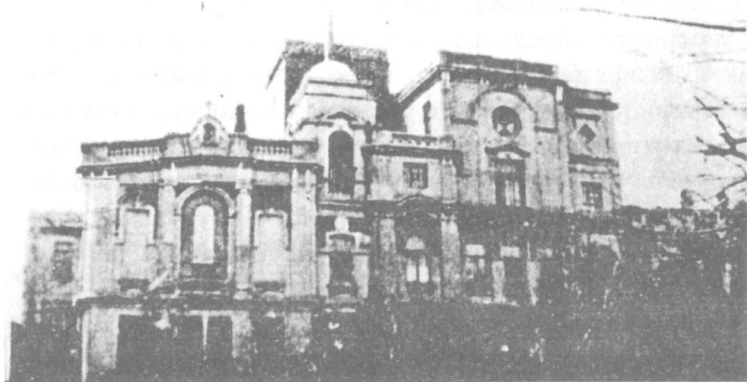
Чем дальше, тем медленней наше продвижение. Уже перешагнуло за полдень, а мы все на Пристани. В городе чувствуется особая атмосфера. На улицах встречаются праздничные лица. Молодые люди снуют от дома к дому. На Диагональной живу Ушаковы, Николай, Ирина, Зоя. Они, конечно, православные. Николай бывший лицеист, а его сестры учились в Конvente. На Пасху воздух города Харбина обычно наполнялся колокольным звоном. На Пристани перезванивались церкви Благовещенская, Софийская, Иверская. Уже не помню, был ли церковный перезвон в Харбине на Пасху в 1954 году.

Через некоторое время мы оказались в Саманном городке. Это совсем не близко. Туда нужно было ехать трамваем, сперва до Собора, а там пересадка на другую линию - по Большому проспекту до конца, а дальше ещё пешком. Саманный городок, Корпусной городок - это окраина города, у западной оконечности Нового города. Огороженный высоким забором частный дом, во дворе хозяйство, много птицы, на цепи хриплый пёс. Мне не приходилось здесь быть раньше. Мы попали в необычную, полусельскую обстановку. В доме очень тепло. Чувствуется, что топилась печь. Хозяйка, незнакомая мне женщина, по-особенному радушна и хлебосольна, чествует, угощает, подкладывает, уговаривает: «Ну, ешьте, пожалуйста, на здоровье!». На столе русское изобилие: разной снеди, яств, птицы, дичи, солений. Кулинарка брала и числом и умением. Становилось всё жарче, а нас все подчевали. Жаль, я не могу вспомнить имени добродушной хозяйки, у которой мы в тот день засиделись не по своей вине. Едва ли на самой крайней улице Корпусного городка десятью годами раньше жили Печерские, из казаков. На стене их спальни висела настоящая сабля. До войны и в войну Лиля Печерская ночами слушала советское радио. Помнится, нет-нет она любила запеть «Катюшу» или что-то ещё.

Потом всплывает в памяти уже улица Гоголевская, в Модягоу. Я поднимаюсь на третий этаж большого дома и звоню в незнакомую мне дверь. Выполняю поручение друга, однако девушка с поэтическим именем почему-то не вышла, а ее сестра Марина, еще девочка, задержала меня у двери. В доме у них была печаль и не было Пасхи. Передав подарок, я ушёл, испытывая стыд за непонятную неловкость. Дело шло к концу, и пос-

Последний наш визит был к весёлым сестрицам Наташе и Гале. Одна из них воспитательница детского сада, вторая - учительница русского языка, приехавшая из Аньшаня. Найдя в Новом Модягоу их особнячок, встретили там компанию наших ребят-затонцев. Все были приглашены сестрами, когда встречали Новый год, для многих из нас самый последний в городе Харбине. Тогда мы ещё не могли знать, что уже наступило время прощания с улицами города и друзьями детства. Бурные встречи и праздники перед расставанием. Знаю теперь: события продолжаются, но не повторяются. Где же всё то, что было?! Оно там, в начале, в противоположном конце, и пока ещё есть след и связь с ним.

1991

В ЛИЦЕЕ СВ. НИКОЛАЯ: И КТО ЖЕ ТЫ ЕСИ САМ?

Иногда хочется понять самому: если уж существуешь в самом деле, то зачем. И что происходит, что творится. Случайность и ничему. Или же опять непостижимая тайна и мистика.

Биографические сведения о всяком зависимом человеке, подчинённом обстоятельствам, чётко и раздельно укладываются в анкету, по датам, по общим эпизодам и сферам деятельности, по родственным связям и политическим интересам. Для себя не нахожу смысла в типовом документе и статистической отчётности.

Наша жизнь может быть поводом для образцового изображения и обобщения, имея на это все основания, было бы мастерство. Однако писательский талант, даже не Бунин с его «Жизнью Арсеньева», - исключительная редкость, и художественная проницательность мало кому доступна из смертных.

Свой жизненный путь иные любомудры склонны осмысливать философски. Так, Н.А.Бердяев на последнем склоне лет исповедально писал философскую автобиографию. Он был настойчив, утверждая первостепенность духа, или самосознания.

«Мне ведь зачем-то дана жизнь». В этом вопросе так или иначе выражается религиозно-мистическая тревога и обеспокоенность человека, не потерявшего связи с Небом. Интуиция Бога продолжится в откровениях.

Биография определённое всего держится на твоих перемещениях во времени и пространстве. На первый план жизнеописания выносятся внешние события. Люди чувствительны ко всяким толчкам и столкновениям, часто не замечая собственного развития и изменения духа. Словно пыль, массой куда-то несешься в космическом потоке.

Основные даты жизни в хронологической череде.

7 февраля 1935 года - родился.

1942 и 1943 гг. - учёба в 1 и 2 классах школы на Артиллерийской улице.

1943 - 1949 гг. - III - VIII классы в Лицее Св. Николая.

1949 - VIII класс заканчиваю в 3-ей школе.

1949-50 уч.г. - IX класс в 1-ой школе.

1950-51 уч.г. - X класс 4-ой школы. Получаю аттестат зрелости.

1951-52 уч.г. - первый курс ХПИ, строительный факультет. Работаю до отъезда в Союз.

1952-52 уч.г. - учитель русского языка в средней школе г. Кайлу (Внутренняя Монголия).

1953 г. - занимаюсь на курсах по строительному искусству и летом работаю на строительстве Сельскохозяйственной академии (возле памятника Чурейто).

1954-55 уч.г. - преподаватель русского языка в ХИИЯ (Харбинском институте иностранных языков), одновременно студент медтехникума, фельдшерское отделение.

Работа и жизнь в Советском Союзе.

1955 г. - приезд на целину, в Краноярский край, Ширинский район, Июсский овцесовхоз. В августе переезд в Харьков.

1956 г. - рождение дочери Елизаветы, окончание медучилища, работа наркотизатором в городской больнице, фельдшером на «скорой помощи», а позднее в психоневрологическом диспансере и зав. фельдшерским пунктом в деревне.

1957-62 г. - учёба в Харьковском университете, на филологическом факультете.

1961-68 г. - преподаватель русского языка на подготовительном факультете для иностранцев.

1963 г. - рождение дочери Елены.

1968 г. и по настоящее время - доцент кафедры русского языка филологического факультета ХГУ. Таким образом, вплотную подошёл к пенсионному сроку.

Такова моя жизнь в анкетном варианте.

Кроме выше перечисленного, в разных промежутках остаётся ещё много чего: душевные терзания, любовь, симпатии, увлечения, конфликты, ненависть, злоба, духовные поиски, приобретения, потери, издержки, болезни и смерти близких, гонки, трансформации. Не знаешь, как всё с тобой случившееся объединить, связать, выстроить в ряд, найти смысл и какую-то логику за пределами очевидного.

Почему-то родился я. По-видимому, через это проходит каж-

дый обязательно - и настала моя очередь. Вероятно, мистическая очерёдность рождения - неукоснительный и непререкаемый закон, как и обязательность ухода из этой временной жизни. Вошёл и вышел. Зашёл - отошёл. Исчез - здесь сейчас нет, ведь не обязательно же, даже невероятно абсолютное и полное исчезновение, когда из бытия - небытие. Начало и конец, необходимые ограничения практического сознания, вводятся чисто условно. В метафизике всё бесконечно во все стороны: всё (ничто) всегда (никогда). Я продолжаюсь до рождения и после смерти. Речь идёт, конечно, о душе и о мистике, что связано. Сказанное безусловно, и пусть никого не пугает таинственное толкование явного и всеобщего.

Я появился (или, другими словами, пришёл) на свет (или же на этом свете) в мистическом городе на волшебной реке в Год Кабана и под Знаком Водолея.

Странно, что меня вывела в люди русская мама. Ей было 22 года, и она была последней, 12-ой, у своих родителей. Беженским потоком их вынесло в Маньчжурию, хлебнули горя, но остались все живы, кроме бабушки, которую унёс тиф ещё в Сре́тенске. Отец мой, Мацунага, много старше мамы, инженер на фанерном заводе в Старом Харбине, умер от неожиданной пневмонии, когда мне не было ещё года, и я рос без отца, что сказывается, быть может. Жаль, что в детстве мне ничего не рассказывали об отце. Его как бы и вовсе не было у меня. Безотцовщина - это мой рок. В неполной семье ведь не так изобретательно и интересно, беднее палитра красок, тускло и бесцветно в глухом углу.

В моей памяти брезжит одно из самых ранних радостных удивлений от того, что поймал плотвичку на хлебный шарик, и это случилось на озёрце-заливчике возле Белой дачи, когда мне было лет пять. Тогда мы жили ещё с дедом на Полицейской улице, наискось, через сквер, от Благовещенской церкви. В одном дворе с нами проживал с матерью Серёжка Альтман, странно осевший в моей памяти из-за своей довольно ранней сексуальной игривости. Кладбище сломанных и списанных автобусов напротив дома было полем детских развлечений. Как-то после ливня в коллекторе на углу нашей улицы и Новогородней, возле полицейского участка, мы обнаружили детский труп. Тогда нас

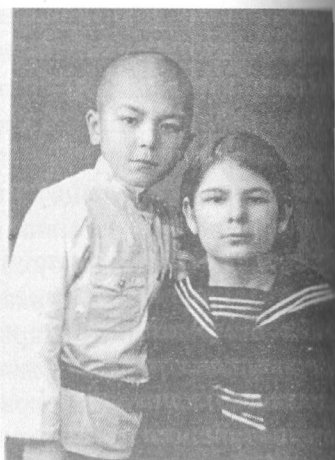
охватил ужас. Видимо, то было первое и самое сильное испытание чувства смерти. Через два года в небольшой церкви в Новом городе отпевали моего дедушку, Ивана Александровича Левитского, и я с родственниками шествовал за торжественным катафалком, даже лошадь в попоне, по Большому проспекту на Новое кладбище. Было зябко, однако после христианского погребения в душе мир. Безусловно, помогают слова молитвы за упокой, в это твёрдо поверил.

В шестилетнем возрасте я был отправлен в страну Восходящего Солнца. Из Страны Утренней Зари по морю на тихоходном пароходе мы долго плыли, помню пассажирский зал в трюме, с татами, и как меня укачало. Через год, уже шла война, меня вернули, и в порту Дальнего (Дайрена) встречала заплаканная мать, совершенно мне непонятная. Семилетний я стал япончиком, полностью забывшим русский язык за год жизни в Токио, где, естественно, говорили только лишь по-японски и я общался с одними самурайчиками. В Японии взрослые искусно опекают детство, и мне открылся чудесный мир. Детское сознание легко впитывает и запоминает тот или иной культурный код. В конце концов меня возвращали матери уже совершенно другим ребёнком. При встрече с матерью сын не понял ни единого слова, обращённого к нему. Неожиданная амнезия озадачила многих педагогов, и дома растерялись, не зная, как поступить. В японскую школу за городским садом меня не приняли, как русского, и меня повели в русскую школу на Артиллерийской улице.

Моя первая учительница - Клавдия Ивановна Мухина. Спустя годы, она как-то напомнила, что в день поступления я просидел на полу, очевидно, в знак протеста. По-прежнему не понимал никого и ничего, что, должно быть, обидно, - и моя выходка и дикое возмущение были в восточном духе. Несмыслёныша резко бросало из стороны в сторону, меж разных языков и культур, склонностей и предпочтений. Связав родством и кровью, абсолютно слепого и несвободного в выборе, какие-то неведомые силы меня дёргали и рвали, какие-то неведомые силы меня дёргали и рвали, тянули в свою сторону. Вокруг нас, в городах и весях, таинственно и странно, раскатываясь, продолжают расовые разборки и распри.

Летом Сунгари заметно мелела. После уроков мальчишки шли купаться. На косу переходили бродом, держа свою одежду над головой. Рискуя жизнью, плавали без взрослых в форватере, где была глубина и сильное течение. На наших глазах, не успели опомниться, унесло в пучину Кислицына из третьего класса. Вынырнув из волны, на недоступном расстоянии, он крикнул: «Прощай, ребя! ». В тот день и я тонул, попав в ту же яму, но меня удержали.

В первой школе тогда я проучился около двух лет. В конце 1943 года мать отвезла меня в Лицей. Предварительно на моей одежде был вышит номер 123. Личные вещи всех лицеистов нумеровались. Я прожил в Лицее вплоть до самого его закрытия в 1949 году. Как полагается, в приготовительном классе ребята встретили новичка оценивающе, и меня несколько раз подряд гурьбой водили в туалетное помещение под лестницей сачковаться с указанными мне одноклассниками: « С этим будешь?». И в голову не приходила мысль отказаться. Мои соперники - то мог быть Кунцевич, по прозвищу Цыган из-за смуглости цвета кожи, мог быть Карасёв Илья, Юрка Гусев, Соколов Вовка, которого дразнили «Вшивый», ребята на глаз примерно одной со мной комплекции и роста - каждый на свой манер махал кулаками, кто с открытым лицом, а кто наклонив голову и зажмурив глаза. Я не думал сдаваться, и мне находили всё более сильного драчуна. Это был своеобразный спортивный ритуал, и никакой злобы или обиды не было. На первый раз достаточно было этого испытания, чтобы утвердиться в общественном мнении коллектива и занять своё место в сложившейся иерархии, затем уже каждодневно подтверждая своё достоинство и честь. Поводов для этого будет достаточно.

Живя в атмосфере организованной и преемственной мужественности, мальчишки стеснялись распускать нюни, стыдились жаловаться, презирали доносчиков, если такие изредка попада-

дались. Энергии было у нас хоть отбавляй. После обеда - приготовление уроков. Все приготовишки в одном классе и под строгим надзором воспитателя-старшеклассника. В целом соблюдался режим и порядок. Естественно, были и шалости. К тому же, любое сверхсемейное общежитие в той или иной мере неизбежно порочно. Лицей не мог быть исключением из общего правила. Однако тот наш Лицей все же был совершенно особенным общежитием, в которой изначально господствовал дух самоотверженной христианской любви и милосердия. Неуют и скудность детства, насколько можно, восполнялись там заботой обо мне, материальной и духовной, и я получал развитие из доброго и плодоносного источника.

После ужина в тёмном зале (по-теперешнему, в холе) устраивали самые разные игры, в которых, соревнуясь, мы узнавали друг друга и закалялись характеры. Из поколения в поколение, по наследству, передавалась и естественно перенималась очень популярная у нас командная игра - чехарда. Нужна сноровка, учишься прыгать и держаться и также важно уметь переносить тяжесть и неудобства. Нет такого ажиотажа, но тоже азартно и весело играть в осла, когда все по очереди прыгают через одного, последовательно приговаривая «Здорово, осел!»; «Нагружаю осла»; «Разгружаю осла»; «Ласкаю осла»; «Бью осла». «Осёл» терпеливо ждёт, когда кто-нибудь ошибётся и сменит его. Эта игра для более младших, как и замечательная в своём роде игра «в петуха». Увлекательный петушиный бой, когда двое, а то и несколько, мальчишек, прыгая на одной ноге, руки за спину, грудью пытаются сбить противника, чтобы тот ногой коснулся пола. В этой игре важна вёрткость, чтобы в нужный миг уйти от столкновения и вывести из равновесия противника. Помимо прочего, такие забавы очень зрелищны. Пока ждёшь своей очереди, ты, как в театре зритель, с интересом следишь за игрой и сопереживаешь. Вдруг твой товарищ предлагает тебе посоревноваться с ним в цыганской борьбе. Вы ложитесь спиной на мат или на пол, головами навстречу и рядом, ногами в противоположные стороны, и, держа один другого за плечо, поднятой ногой каждый стремится зацепиться так, чтобы противника перевернуть через голову. Не помню, как называлась любимая нами игра на скорость реакции и ловкость: ты и твой соперник

из противоположной команды, когда судья выкрикнет ваш номер, быстренько мчитесь к срединной линии, разделяющей поле пополам, и стремитесь схватить из круга ремень и, не запятнанным, добежать за свою линию, где стоят по номерам игроки вашей команды. Может быть, эту популярную игру мы называли «Ремень». Это были игры зимнего сезона. В тёплое время на досуге лицеисты развлекались ещё разнообразнее. Помню, старшеклассники сильно бились в дадж-бол, и Коля Ушаков был в этой игре хорош: мощно салил и выбивал противников из поля, а сам ловко и уверенно ловил мяч, принимая его на грудь. Зоска, шарики по разным причинам не поощрялись, но практиковались отдельными любителями. Непревзойдённым мастером по этим играм, с китайской спецификой, был Шурка Одношибков. (Недавно, уже после выхода в свет сборника «Лицей св. Николая», Лоллий Щербаков напомнил, что лучше всех в «поличур» играл у нас там Юра Мелихов). Для русской лапты, к сожалению, в лицейском дворе было мало места. У нас не было своего стадиона, как в «Русском доме», и мы им проигрывали в лёгкой атлетике. Неплохо обстояло дело с гимнастикой в помещении, и с партерной, и с аппаратной. Нам были доступны брусья, кольца, и редкий лицеист не мог подняться по шведской лестнице, стоящей под углом в спортивном зале, до потолка и на руках спуститься вниз, не дрыгая ногами.

Многому мы учились там непосредственно друг у друга, подражая и играючи. Был лицейский стиль, в который хочешь не хочешь вписывайся, коли ты здесь. Почему-то мне кажется, не знаю, прав ли, что заниматься спортом лицеистов не принуждали. Прошло время, и мы сами увлеклись соревновательной игрой в пинг-понг. Чуть выдастся случай, помню, бежим в Актовый зал, к теннисному столу и там во время, когда все на приготовлении уроков по своим классам, в полном молчании с наслаждением обмениваемся мягкими ударами белого целлулоидного шарика о гладкий широкий стол. До сих пор довольно успешно сражаюсь со своими внуками в настольный теннис, всё ещё оставаясь чемпионом семьи. И ракетку (тогда говорили «лопатку») я держу по-азиатски. Всё трудней, но, пожалуй, ещё подтянусь пару раз на перекладине. Раз десять отожмусь от пола. Стойку головой вниз внука не позволяет мне делать. Это то,

что осталось у меня от наших лицейских забав.

На двух этажах было для нас три спальни: для младших, этажом ниже, для средних и для старших, этажом выше. Чтобы мы мирно отходили ко сну, за нами приглядывал серьёзный и строгий Пономарев Георгий, с ним не пошутить, до ночи сидевший, согнувшись, за своими занятиями - он уже учился в ХПИ. Стоило ему отсутствовать, как тут же заскакивал к нам Гончаров, из старших, со своей подушкой, крича «один против всех», и мы оравой, мешая друг другу, яростно сопя, бились, только пух летит да топот босых ног. Тут с лестницы вбегают дозор, выставленный «на шестака»: - Шея! И моментально каждый ныряет в свою постель, принимая подобающую позу, изображая глубокий сон. Наш воспитатель делает вид, что ничего не слышал, ничего не знает и в полной тишине садится за свои конспекты. Играя в сон, мы действительно засыпаем. Под одеялом ночью одно время с помощью самодельного детекторного радиоприёмника радиолюбители ловили местную радиостанцию, наши радиоперехватчики засыпали с наушниками.

По Старохарбинскому шоссе, в сторону аэродрома, лицеисты в форме маршировали строем и громко пели, как положено, разными голосами боевое «Бородино», с соответствующими повторами, или «Свети соколы орлами», или «Солдат, раскинувши палатку, прилёт немного отдохнуть», или казачью «Вечерело, я стояла у ворот», или разбойничью о Кудеяре «Жило 12 разбойников». Мы держали строй и орали изо всей мочи, как на параде, а на улице и дороге было пусто и безлюдно. Командовал строем кто-то из старшеклассников. Такое происходило не так часто, как хотелось. Это всегда была наша собственная инициатива. Подобная милитаризация духа вряд ли могла поощряться лицейской администрацией, которая ходила в рясах. Отец архимандрит сам не поведет строем отряд и не станет с нами петь: «Наверх вы товарищи, все по местам! Последний парад наступает!». Однако это и красиво, и духовно, и нужно.

Учитель пения - Николай Иванович Бабайлов, в нашем учебном просторечии Коля-Ваня. Естественно, что он же и регент нашего церковного хора, в котором я с Карасёвым и Галлактионовым постоянно был в дискантах, а Юрка Гусев, напротив, в альтах. Каждый год нас оставляли на Пасху в Лицее петь

в хоре на торжественной праздничной заутрене. Неповторимый аромат и оживление всякий раз вносили являвшиеся к нам певчие-конвентки. Мы сливались в голосах, и я ощущал всем своим существом чудо присутствия Милы Беляевой вплотную за мной. Мы пели вместе одну партию, глядя в одни ноты. Со всем уже взрослая девушка, она приводила меня в смущение, вслух называя женихом.

После заутрени из церкви все мы отправлялись вниз, в столовую, где был накрыт один общий стол, и, помолившись, начинали трапезу. Достаточно напомнить, что в страстную субботу и крошки не держали во рту. Долгие часы приходилось простаивать в полутёмной церкви за чтением евангельских текстов на церковнославянском языке, прежде чем начнётся служба и ты перейдешь на хоры. Там уж не поскучаешь. Перед каждым ответственным песнопением Коля-Вася чутко прислушивается к камертону и голосом распределяет тональности. В басах Борис Самсонов придерживает пальцами ухо. В Святой день, как никогда, нельзя допустить фальши, ведь Воскресение символизирует абсолютную гармонию.

И вот наконец мы, оставленные на пасхальную службу избранные хористы и бездомные сироты, аскетически перенеся суточный пост в страстную субботу, вместе с нашими монахами, что само по себе непривычно, разговляемся: Христос Воскресе! Воистину Воскресе! Еды на столе, несмотря на такой день, более чем скромно, ограничено самым необходимым - картошка варёная, обычные соленья, ещё что-нибудь, - еле-еле утоляли голод, не насыщаясь. Утром я отправлялся домой на праздники.

Обычно же, в будни, сколько помню, нас кормили однообразными кашами, время от времени любимыми галушками из плотного теста и немного жира, для запаха, никогда картофелем («не начистишься на ораву»), и я привык к простой еде из алюминиевой посуды. Лицейский хлеб - чёрный, из ржаной муки грубого помола, попадают зёрна, выращен на Заимке. В повоенные годы все жили бедно. Мы же, подростки, не ведали подлинных материальных трудностей, постоянно обеспеченные ежедневным завтраком, обедом и ужином, скромно и всегда вовремя. На кухне работали русские поварахи, одна из них мама-

ша Жоры Мостовщикова, изредка подкармливавшая родного сына на зависть остальным жареной картошкой. Почему-то обходились без китайских поваров, которые, вне сомнения, с этим важным делом справились бы профессиональней, и вкусней, и разнообразней, и дешевле. Различной obsługi и опекунов было в обрез, минимум минимумом: фельдшер, кастелянша, истопник свой - брат Валентин, потом наш же Шурка Яковенко.

В мои годы был в Лицее струнный оркестр, в который и я привлекался. Однажды давая концерт с гитарой сидел на сцене, рядом с Георгием Пономарёвым, который успешно справлялся за двоих, а я невпопад и неуверенно дергал струны. Так просидел в роли статиста, сгорая от стыда. Помню, как в Актовом зале балльным танцам учили, и мы успели выучить польку, падеспань, падекатр, вальс. Проводились вечера, с лотереей, с играми, как-то разыгрывали козлёнка, во дворе тоже развлечения, даже живая лошадь, впервые в своей жизни сел в настоящее седло. В концерте пели под управлением Николая Ивановича русские народные и шуточные песни: «...Ванюшеньку-душеньку по буйной голове». На традиционных вечерах непременно бывали почетными гостями и выступали выпускники Лицея разных лет. Один из них Сухов Владимир. В подобных случаях обычно разбирался большой вопрос, кем же выходят в жизнь воспитанники и выпускники Лицея, нормальными людьми, не изменив вере отцов, или фанатиками и адептами другого вероучения. Харбинский обыватель, чуждый идее униатства, не доверял истинности и бескорыстию католического миссионерства, подозревая наличие коварных целей окатоличения православных детей в Лицее. Харбинцы в большинстве вряд ли хорошо разбирались в сути межконфессиональных расхождений. Тем не менее они чувствовали древнюю трещину и излом единой религиозной духовности христиан, от рождения наследуя определённое место со стороны византийско-московского православия, напротив и во всё большем отказе от католицизма. Придерживаясь внешней, часто геополитической, сторонности в своей обращенности на ту или иную часть света, Восток-Запад, ориентируясь на условный город-центр, Москву и Рим, отдавая предпочтение определённой мистической личности,

патриаршеству или папству, обрядно-ритуальной образности в церкви или в костёле, две братские Церкви более тысячелетия отстаивают и распространяют собственные версии христианского вероисповедания, вместо милосердного сопереживания обнаруживая суетное соперничество и грех тщеславного самомнения, свойственные человеку. Наши абитуриенты в один голос заявляли, что они как были, так и остались, православными и не стали в Лицее католиками. В этих настойчивых заявлениях выпускников был политический и эмоциональный смысл. Молодые и энергичные ораторы отрицали какое бы то ни было нравственно-религиозное давление на себя со стороны католического ордена и выступали против бытующей мещанской предвзятости в общественном мнении в отношении к Лицею св. Николая, отстаивая достоинства нашей Альма-матер. Пожалуй, я бы не стал отрицать определенного религиозного влияния моего шестилетнего пребывания в стенах Лицея, в том климате и окружении, на мое мироощущение и мировосприятие, тогда и потом.

Причудливым образом люди получают своеобразную духовную прививку. Чуть ли не через Средневековые переходят в наше время представления о бесконечности и цельности мира, о таинственности и бессмертности жизни. Именно в Лицее могла явиться или не явиться религиозная обеспокоенность, зыбкое предощущение греховности (святости), интуиция запредельности и всеединства. По-детски непосредственно мы переживали и впитывали библейскую мифологию - от сотворения мира до апокалипсиса, - возбуждающую в инфантильном сознании религиозный интерес о смысле жизни и тревогу, не осознанную до поры до времени.

Нам было тогда 11-12 лет, мне, Громову В., Гусеву Ю., Галактионову П. Поднявшись по лестнице из полуподвала столовой, тут же при входе в малый зал, у подоконника, мы остановились перед отцом Фомой. Ребята моего возраста привязались к нему, как ни к кому другому. Он был очень добр к нам и много общался и возился с нами. В наших отношениях я чувствовал особенную дружбу. Он называл меня по-японски «кодомо». В тот раз я считал пуговицы на его рясе: поп, священник, вор, мошенник, честный человек. О. Фома улыбается. Улыбка его, как всегда,

светится лаской и мягкой доброжелательностью, преображая широкое темнобородое лицо. Один из однокашников толкает меня в бок: «Ты чего?!». Оказывается, его смущает первое слово, он считает, что поп - это ругательство, и его неловко произносить в присутствии монаха. Обсудив возникшую лингвистическую проблему о значении и употреблении в речи «неприличных» слов, о. Фома сказал, что разговорное ПОП не является для него обидным, оскорбительным, ругательным. В тот раз мы спросили его, какой же грех самый большой. На этот детский вопрос он, подумав, спокойно ответил, что для нас это прелюбодеяние. Я был разочарован простотой ответа, его заурядностью. Всем нам было известно, что несколькими днями ранее разгневанный и неудержимый Фома в Актовом зале избил в кровь одного нашего выпускника, постоянно приходившего в Лицей играть на рояле. Заодно, как выяснилось, он пытался развратить мальчишку, каким-то образом был изобличён Фомой - и с треском вылетел. Добрый и мягкий человек, оказывается, может быть страшен во гневе. Отец Фома был книжником и библиофилом, в его келье было много книг, на полках и на большом квадратном столе не было свободного места от переплетов и фолиантов, нагроможденных стопками изданий. Чем он занимался в одиноком затворничестве, никто не знал. Вероятно, читал и размышлял о вечности и смысле жизни. Хочется думать, он был неординарным человеком и философом. Где-то о. Фома раздобыл нам для внеклассного чтения приключенческую литературу, целую серию прекрасных томов, произведений Фенимора Купера, Майна Рида, Жюль Верна, К.М.Станюковича и др. Все эти книги сложили в закоулке, на какой-то лестнице там у них в монастыре, и я стал библиотекарем и книгоношей.

Отец Фома, и никто иной, водил мальчишек в походы. Это всегда было для нас огромным и незабываемым событием. Его мы ждали, к нему готовились.

В урочный день, ранним утром, выходим. О. Фома, всегда в монашеской рясе, идёт крупно и уверенно, своеобразной и запоминаемой походкой спешащего к далёкой цели вестника. С ним плотная свита увлечённых учеников. Их учитель привык ходить широкими и мягкими шагами, кругло размахивая в такт

ладоням и заметно, словно прислушиваясь, накренив голову. Группа пойдёт долгим путем: через Славянский городок, по Гольф-полю, мимо Яшкина сада, по окраинным улицам Госпитального, Корпусного, Саманного, по юго-западной загородной полуокружности вокруг Харбина, по пустынным полям, минуя Нахаловку. Мы выбрали сложный маршрут. Шагаем бодро и оживляемся, когда по пути находим дикий чеснок, целебные травы, осторожно пробуем вкус полусъедобных корешков. Юрка Гусев старается заговорить слепой дождик, сообщая все пытаются вспомнить 40 лысых, но их всё недостаёт, как мы ни старались. Наконец приходим в Ченхэ, делаем краткий привал на лицейской даче и - скорее лодками на противоположный, левый берег быстротечной и коварной Сунгари и дальше, на её более уютные и спокойные протоки. Там мы учимся плавать, разводим костёр, готовим еду. К ночи возвращаемся в Лицей, уставшие и довольные. Не стереть из памяти того, что было усвоено в те дни.

Не будь Лицея в нашей жизни, были бы мы иными. Там, как мне кажется сейчас, были совершенно особенными и живительными обстановка, дух, аура, облучение и энергетика. Мы находились под сенью монастыря, с ним под одной крышей. У нас была своя церковь с мощами Николая Угодника, и там ежедневно служба. Мы находились под определённым и сильным мистическим напряжением, что не могло не сказываться в формировании нашей духовности. Даже в замечательном и органичном теле здания с таинственными его внутренними частями и лабиринтами, с символической архитектурой, мудро и замысловато сложенного, ощущаю завораживающую метафору и многозначительность живого сооружения. Вижу, как по замысловатым ходам, подъёмам, спускам, таясь в тихих углах, исчезаю за неожиданными поворотами коридорчиков, прячась и промеж нас беззвучно являются всепроникающие тени и образы предшественников. Стены хранят эхо и память прошедшего. Прошлое резонирует и живёт здесь. В нашей пещере была совершенно неповторная акустика. Мне так кажется, и поэтому в таком видении и ощущении моего лицейского дома не должно быть умышленного произвола и самочинности. В предложенной правдоподобной версии и сочинённой картине моя интуи-

ция и фантазия стремятся расшифровать тайный знак, иероглиф судьбы и распознать тайну. Если вся человеческая жизнь так или иначе есть, действительно, чья-то до предела не познаваемая выдумка, задумка, то ведь и Лицей тоже кем-то был загадан, придуман и осуществлен таким реальным и чудесным, каким он становился и стался, со всеяли нами, грешными, тогда и там, теперь ещё продолжаясь всё более таинственно.

Заодно уж вспомню и о других. Пожилой о. Иосиф отличался строгостью обращения, часто читал провинившимся лицеистам нотации и нравоучения. Каждый мог испытать на себе схоластику и дидактику Юзика. Не случайно его изображали, передразнивая, с помощью выразительного жеста и интонации занудности: «те-е!». По возможности избегали излишних встреч с ним, на всякий случай держась от него подальше. Он был справедливым, но скучным воспитателем, как видно, чуждый детской психологии, ревнивый служитель церкви. Таким отстранённым и отдалённым остаётся его образ в моей памяти. Безусловно, о. Иосиф проявлял к нам общую христианскую заботу, в меру своих способностей, и за этот его подвиг мы ему благодарны.

Архимандрит Андрей и вовсе был для нас на недосягаемой административной высоте. Лишь в самых торжественных и ответственных случаях он появлялся перед нами как высшая инстанция. Внешне отец архимандрит выразителен и внутренне эмоционален, но я его помню плохо.

Были у нас ещё два Павла. Один из них, страдавший астмой, в последнем классе преподавал литературу. Он был худошав, с холодным и высокомерным выражением глаз, каштанового цвета волосы в ровненькой причёске светского вида. Надо ещё дорастить до снисхождения сего ледяного и отстранённого патера.

Второй о. Павел - француз Шалей, сильный и жизнерадостный, с вовсе не типичным для монастырского населения обликом. Было непонятно, чем именно он занимался и для чего он у нас: не преподавал, не воспитывал, в церкви службы не отправлял никогда. Казалось, просто существовал и бездельничал, отбывал ссылку. Изредка Француз прогуливался во дворе. Как-то вместе со старшеклассниками и я подошёл к нему. Меня поразил несколько фамильярный тон разговора на интимно-сексуальную тематику. Его запросто спрашивали, с помощью ка-

ких средств можно наверное соблазнить женщину. Я был свидетелем столь неожиданного для меня развязно-мужского разговора лицеистов с монахом, в котором о. Павел как-то довольно буднично оказал, что для подобных целей, чтобы распалить страсть у своей жертвы, можно воспользоваться «шпанскими мушками». Беседа продолжалась всё в таком же стиле. Это лицо осталось для меня загадкой, и я мог бы сейчас спрашивать: «Кто Вы, о. Павел Шалей? «

Несколько слов ещё о некоторых учителях наших. Математик Марчишин был требователен, свой предмет он, безусловно, знал. Учащиеся его боялись, не знаю, хорошо ли это. Небылицын Михаил Иванович, грузноватый казак с пшеничными усами, преподавал географию. Он был добр и простоват. Ребята его отменно передразнивали, похоже размахивая руками, как он, важно произносили: «Мощные экскаваторы...» (Это из «Экономической география СССР»). Калайдович, кажется, начинал учить нас английскому. Он странно произносил «ар», как-то слишком по-американски. Наш физик крепко и заметно пил, так что вдохновил на творчество Ю.Гусева, который взял и написал поэму, начинавшуюся натуралистически бесхитростными словами: «Только вечер наступает, физик в кабинет влетает. Водку в рюмочку берёт, с наслаждением её пьёт». Стихи пришлось нам очень даже по нраву, и мы сами себя развлекали, громко декламируя их, где надо и не надо. Физик наш в Лицее не держался. Когда я учился в восьмом классе, к нам в Лицей пришёл новый учитель, если не ошибаюсь, Иван Александрович Дьяков, в прошлом путешественник и писатель, издавший свою книгу об острове Борнео. Само по себе одно это было примечательным, соответственно воспринималась нами крупная и, казалось, колоритная фигура, хотя речь его была скорее косноязычной, чем образцовой и литературной. Он запомнился мне как инициатор проведения шумного общественного процесса и суда над Тарасом Бульбой, которому инкриминировалось убийство сына Андрея. В подавляющем большинстве своём лицеисты оправдывали Тараса Бульбу. И.А.Дьяков, выступивший в самом конце, напротив, обвинял отца за сыноубийство как величайший грех, т.е. с христианских позиций рассматривая литературное произведение. Он шокировал нас, однако его доводы

казались непререкаемыми и законными, и неприемлемыми. Мы резко и окончательно разошлись с ним, сочтя его религиозным догматиком. С тех пор эта коллизия остается для меня в принципе не разрешимой, если в плане осуждения-оправдания. Ясно, что никто не хотел бы быть в положении Тараса. Осенью 1945-ого года в Харбин пришли советские войска, и внешняя обстановка на улицах города существенно изменилась: по дорогам носились студебеккеры, вооружённые люди в военной форме, моряки в бескозырках, пехота в пилотках с маленькой красно-малиновой звездой, танкисты в тёмных шлемах - и совершенно новый стиль общения, неизвестные дотоле выражения и слова, солдатский слог с крепкими и изощренными матюками. То была сила - для одних победители, вызывающие восторг (наша взяла!), для иных же сатанинство и бесы. В воздухе носилось открытое святотатство. По Старохарбинскому шоссе, мимо нас, верхом скакал галопом молодой и красномордый бес, пьяный вдрызг, и неистово длинно поносил свет, матерясь страшно, перечислив все известные ему русские святыни. То был для меня первый урок наглядной атеистической пропаганды в живом воплощений и натуре, («...твою Богородицу, Господа-бога мать».

Время становилось всё более тревожным и опасным и для наших миссионерствующих монахов. О. Фоме категорически запретили служить воскресную литургию, так как в своих живых проповедях, отражая реальное воинствующее безбожие, он был неуправляем в своей эмоциональной неудержимости и ярости. Обычно служил осторожный и сдержанный о. Иосиф. Верить и проповедовать можно по-разному.

Как-то мимо нас проходил солдат с автоматом, круглый диск, остановился с изумлением и интересом на лице. Он солидно расспросил окруживших его ребят о их жизни, быстро сообразил, что живут неважно, и решил сам навести там должный порядок, восстановить попорченную справедливость. Какой советский человек не знает, каким должен быть устав в чужом монастыре, и кто из них не любит наведения порядка в чужих городках и чужих домах?! Солдат, автомат на перевес, бдительно прошелся по коридорам, спустился в столовую, поднялся в спальню - и решил привлечь к неотвратимой ответственности реакционных монахов, очевидно, за эксплуатацию и угнетение

детства. В качестве главного аргумента был калашников, и он грозился высшей мерой наказания. Его нельзя было переубедить ничем, и он домогался своего: расстрела. Мужик был решителен и пьян. В конце концов он отыграл роль и тогда кому-то из старшеклассников удалось его урезонить и с показным почётом торжественно выпроводить. Он уходил гордо, с чувством исполненного высокого долга. На вечернем построении разбирали случившееся. Выяснилось, что ребята говорили о недостатках питания. Мы действительно тогда все жили впроголодь, а мальчишкам всегда хочется есть. Архимандрит Андрей на сей раз сам объяснял, что почём и откуда берётся. Средств было недостаточно, и в основном провизию выращивали и брали на своей заимке. Он считал точно, сколько чего и во что это обходится на каждого. Наши родители, если вносили какую плату, то это был мизер. Мы стояли в строю тихо и с пониманием все это выслушали. Все чувствовали, что беда близко. Потом уже сами ребята устроили тёмную ябедникам.

Приход советских в Маньчжурию оставляет двойственный след. Прежде всего он вселил надежду на скорый конец эмиграции и возвращение на Родину. И в то же время с новым, советским режимом были связаны многочисленные аресты, которые так или иначе коснулись едва ли не каждой харбинской семьи. Смешались радость освобождения от эмигрантской неволи и страх варварского обращения с личностью. Насколько может быть коварной и лживой власть и насколько противоречива и сложна сама жизнь - очень многого мы ни тогда, ни через десятилетия просто не понимали, не имели в виду, не задумывались вовсе, оставаясь наивными и поверхностными. В наших песенниках всё больше и больше накапливалось уже советских песен. И как мы их певали, вкладывая всю душу, одержимо. Мне интересно, помнит ли Илья Карасёв, живущий сейчас в Австралии, как мы с ним, сидя на ступеньках лестницы в глухом углу нижнего коридора, перед запертой дверью на сцену, вдвоём всё пели и пели разные песни, записанные им в толстую тетрадь. Есть у русских особенный песенный патриотизм, и мы им замечательно переболели в молодости. Если я нынче помню, тем паче пою, какие песенки, то это только из числа тех, распевавшихся в нашем Харбине и в нашем Лицее.

Лицей дал нам наполненное интересным содержанием детство, заряженное чувством товарищества и дружелюбия, оставив в памяти образ несуетной и достойной аскетической жизни в вере, показал наглядно и в яви преодолимость в единстве Бога конфессиональных противоречий, раздирающих религию. В Лицее сложилась удачно своя незаурядная культура внесемейного общежития, не похожая на другие. На мой взгляд, там, под эгидой и сенью истинной и искренней веры, счастливо установился порядок без угнетения. Тот режим лично меня не тяготил. Лицей, по-моему, вовсе не был каким-то элитарным учебным заведением, хотя там, считалось, был относительно высокий уровень образовательной программы, но мне об этом судить сейчас трудно. Однако я могу удостоверить, что в нем происходило неустанное общение и живое взаимодействие юных душ, причем без излишней опеки и навязчивой дидактики извне, что давало каждому возможность и шанс, повод для деятельности, выбора, поступка и, тем самым, постоянную пищу для развития и обогащения самого себя. Там мы росли, не ведая скуки, тупого отчуждения и невыносимого детского одиночества и затворничества, уродующих психику, и усваивали доступный и столь необходимый духовный опыт и эмоциональный заряд, соответственный возрасту. Активный стиль жизнедеятельности нравится подросткам, и они склонны к рискованным переживаниям, пока не остепенятся и уgomонятся.

У всех в Лицее были друзья-товарищи, одноклассники, одноклассники. Наши пути-дороги скоро далеко разошлись, развелись, и давно нет связи у нас. Лишь в памяти ещё остаются отдельные эпизоды лицейского быта. Да имена, за каждым из которых светится образ. Из моих соучеников, кроме уже называвшихся, ещё были Аванесов, Акулов, Оноров Олег, Браман Николай (в Иркутске), Гунько Валерий, Гинц, Кожин Иннокентий (в США), Самарин Евгений. Классом старше: Баранов, Калужинский Роман (в 1949 г. уехал в Польшу), Кочетов Борис, Мундян, Самарин Геннадий, Цыбулько Игорь (в Московской обл.), Шапокидзе Константин, Щербаков Лоллий. Это далеко не все, их было много больше. Целое лицейское поколение. Без преувеличения, Лицей - это моя ностальгия по трудному и счастливому детству. Будто бы у меня, кроме него, не было другой

школы, столь близкой мне по нраву, по духу, по сердцу, по понятиям, по способу существования, всегда находилось там дело по вкусу. И под рукой широкий ассортимент, на твой выбор, дружков, партнёров, сообщников. С Пашкой Галактионовым и Юркой Гусевым, втроём, мы самовольно путешествовали в горы, шагая на восток от Харбина по совершенно голым, без деревца, полям, проходя через китайские деревни, где уже находились и ждали своего часа палудины, внимательно наблюдавшие за нами. Взрослые в те годы часто употребляли многозначительное слово «события». Двенадцатилетний возраст у мальчишек отличается любознательностью и авантюристкой. Мы залезали в Яшкин сад. Из старших никто не догадывался о наших приключениях. У них были заботы и поважнее.

Пашка Галактионов памятен многим лицеистам из последних выпусков, и было бы неестественно пройти нам мимо такой колоритной фигуры. Высокий и к тому же ранний в своём развитии, чуть несуразный от своей несоразмерной длины, личностью он слыл своеобразной и художественной. Пристрастившись к географическим названиям, парень досконально, до последней мелочи, выучил все топонимы на доступных ему картах. Казалось, нет интересней на свете предмета, чем реки, города, страны, моря, океаны, заливы, проливы, и Паша погружался в мир собственных имён на географической карте. У него красивый почерк, рисовал, пел, много читал, отличался необычной изобретательностью. Умел набить себе нужную температуру, чтобы полежать в лазарете. Он жил без родителей, с крёстным. Как-то принёс в класс портрет Ленина, который вдруг высовывал длинный красный язык, и устроил театр. Юноша был без комплекса и, видно, не испытывал никакого пиетета к вождю мирового пролетариата. Мы были там очень разные, и это вполне нормально. И, естественно, у лицеистов не могло быть общей судьбы. У каждого она своя, что замечательно. Один великий фаталист хотел разработать основы биографики. Пока мы несостоятельны и невнимательны, чтобы разгадывать индивидуальную судьбу или предусматривать личное будущее. В какую сторону его понесёт, Пашку, и станет ли он каким изыскателем, предпринимателем или диссидентом.

Лицей весь в прошлом - это светлое и радостное состояние

души. Он принял нас в свою обитель, приютил, дал свет знаний, привив нам христианские и общечеловеческие ценности в отрочестве, самом чувствительном моменте жизни. И если я не впитал и не принял всего положенного, то это вовсе не вина дающего, а моя беда, не берущего.

Некие весьма коварные гормоны и гормонотиды, лишаящие юношу духовного равновесия и покоя, тайно внедрены в природную материю и глубину плоти, чтобы ни с того ни сего возмущаться и вдруг обнаруживаться в самочинстве диких движений и непривычных дерзостей. От непреодолимого диктата пола и под прессом страха сам человек, земной и тварный, унаследовавший первородный грех падения после наипервейшего искушения, страдает и терзается все от тех же древнейших соблазнов. Рискну спуститься в полуподвалы памяти, чтобы разобрать или развеять мрак наследуемых пороков и эротических устремлений у подростков, и пусть меня не упрекнут в слишком грубом натурализме. Заранее прошу извинить меня, если кто усмотрит в следующем сюжете нарушение литературных приличий. Половое созревание, саморазвитие и проявление ювенильной, или мальчишеской, сексуальности в столь специфических условиях, как католический интернат, - это рискованная, сложная для обобщения, тем не менее жизненная и педагогически значимая тема.

И в Лицее, естественно, обнажались низменные пороки животной природы, о конкретных проявлениях которых иной раз стыдно рассказывать и, тем более, уж и вовсе неловко писать впрямую и по-лимоновски, а не по старомодному, иносказательно и загадочно, полунамёками. Вместе с нами жили и воспитывались разные, и обиженные судьбою великовозрастные дебилы, по много лет сидевшие в одном классе. Некоторые отличались неявными психическими недостатками, агрессивностью, патологической извращённостью. За первой партой сидит в классе один такой сексуально озабоченный дубина из ранних (у него какая-то немецкая фамилия) и с совершенно идиотской ухмылкой на тупой морде под партой демонстрирует товарищам восстание плоти. Публичные сеансы открытой мастурбации под носом воспитателя. Тщедушный паренёк нагло развлекал любопытствующую массу простачков и робких

зевак из числа своих одноклассников бесстыдством, возбужденной мощью гениталии. Вдруг он выделился и прославился в своей среде. Сколь сильна у человека бывает жажда популярности и хоть какой славы любыми средствами. И этот театр одного идиота продолжался, пока через какое-то время в том же классе, словно Божия кара, совершенно неожиданно не прогремел оглушительный взрыв, за ним темень и тишина на мгновение и уже через миг чей-то панический вскрик и, наконец, потоком страшный детский плач в темноте. Виновнику происшествия - «минёру» - оторвало кисть, но он ещё не чувствовал, не знал, не соображал, что он уже без руки. Испугался и заорал его сосед по парте, которому осколком задело ухо. Этот ощущал острую боль, поэтому и было страшно. -Смирно! - в сплошном дыму раздалась грозно команда воспитателя, чтобы прекратить начавшуюся панику. Ребят стали выводить в коридор. Не сразу прошёл шок. Последним вывели пострадавшего, ещё не зная, что с ним.

На следующий день после этого ЧП во дворе лежала огромная куча металлолома и в нём патроны, запалы, снаряды, гранаты, всё найденное тогда, после войны, на аэродроме, в казармах, складах и припрятанное мальчишками в укромных местах. На вечернем построении была разборка, на сей раз, конечно, уже с участием отца архимандрита. Так война коснулась и нас.

Несмотря на внушения и строгий контроль за нами в том же году другой наш герой, Чарторыжский, это уже мой одноклассник, выбил себе глаз, стреляя из самопала, естественно, самодельного.

Из дому, из Маньчжурии или из Хайлара, наконец вернулся в Лицей, после каникул и ещё пропустив год, Кешка Кожин. Он приехал в настоящей совармейской форме и заметно важничал, рассказывая житейские истории, пережитые им за последний год. Человек испытал себя в деле, знал себе цену, чувствовал себя очень уверенно. Среди нас, пожалуй, он был тогда самый советский, чуть ли не сын полка. Он уже очень давно американец, о чем в те лицейские годы никто, включая его самого, не смог бы даже и предположить. Еще раз подчёркиваю этим: действительно, неисповедимы пути Господни. Уверен, Иннокентий найдёт себя. По комплекции и внешней фактуре он производил

впечатление сытого, откормленного юноши, из благополучной семьи, от природы крепкий, настойчивый, практичный, без романтики и идеализма. С сильным характером, норовистый, с хорошим тщеславием, он относится к лицам запоминаемым. Помню его рассказы о... его слишком ранних, по тем временам, любовных утех. Дон-Жуан талантливо оглушает и поражает - и владеет. Живое переживание в чужом изложении через сорок лет теряет правдоподобие. Именно поэтому писать реальные воспоминания о других лицах, а не о себе, вовсе не так просто, как кажется. Ведь в людях не всегда обнаруживается готовность к беспокойству и тревоге памяти, потребность исповеди и покаяния.

Таких разных ребят, как Юра, Паша, Кеша, вокруг тебя в Лицее всегда было большое множество, и все под одной крышей едят из одного котла. Там поголовное знакомство, избирательная дружба, близость, неразлучность, своя особенная плотность и теснота общения и товарищества - и всё это вместе такая мощная энергетическая и коммуникативная система, которая индуцирует и заряжает так или иначе всех, оказывая на каждого определённое психологическое влияние, информационное и воспитательное воздействие на твой рост и развитие. Все мы взаимосвязаны и взаимозависимы духовно, неясно и неизвестно как, т.е. таинственно, отражаясь друг в друге, в мыслях, словах и поступках. Пусть каждый из лицеистов в отдельности и сам по себе - личность или же определённое создание. Он определённое слово, и вокруг множество других слов-личностей. В Лицее же из этих слов был сложен цельный в его осмысленности и эмоциональной насыщенности текст. Текстовое содержание само складывается из всех взаимодействий слов и в то же время в каждом из них отражает свой общий смысл. И в этом мистика!

... С самого рассвета, мы ещё крепко и беззаботно спали, мимо Лицея в ранней тишине утра тянулась живая цепь палудинов. Со стороны, где был аэродром, и в направлении к Новому городу, в центр, к Собору, на всём протяжении взора один за другим, гуськом и с интервалом протянулись пришельцы, очерчивая своим пунктирным движением главные магистрали спящего и ещё пустого Харбина. Молча и фатально, как навод-

зевак из числа своих одноклассников бесстыдством, возбужденной мощью гениталии. Вдруг он выделился и прославился в своей среде. Сколь сильна у человека бывает жажда популярности и хоть какой славы любыми средствами. И этот театр одного идиота продолжался, пока через какое-то время в том же классе, словно Божия кара, совершенно неожиданно не прогремел оглушительный взрыв, за ним темень и тишина на мгновение и уже через миг чей-то панический вскрик и, наконец, потоком страшный детский плач в темноте. Виновнику происшествия - «минёру» - оторвало кисть, но он ещё не чувствовал, не знал, не соображал, что он уже без руки. Испугался и заорал его сосед по парте, которому осколком задело ухо. Этот ощущал острую боль, поэтому и было страшно. -Смирно! - в сплошном дыму раздалась грозно команда воспитателя, чтобы прекратить начавшуюся панику. Ребят стали выводить в коридор. Не сразу прошёл шок. Последним вывели пострадавшего, ещё не зная, что с ним.

На следующий день после этого ЧП во дворе лежала огромная куча металлолома и в нём патроны, запалы, снаряды, гранаты, всё найденное тогда, после войны, на аэродроме, в казармах, складах и припрятанное мальчишками в укромных местах. На вечернем построении была разборка, на сей раз, конечно, уже с участием отца архимандрита. Так война коснулась и нас.

Несмотря на внушения и строгий контроль за нами в том же году другой наш герой, Чарторыжский, это уже мой одноклассник, выбил себе глаз, стреляя из самопала, естественно, самодельного.

Из дому, из Маньчжурии или из Хайлара, наконец вернулся в Лицей, после каникул и ещё пропустив год, Кешка Кожин. Он приехал в настоящей совармейской форме и заметно важничал, рассказывая житейские истории, пережитые им за последний год. Человек испытал себя в деле, знал себе цену, чувствовал себя очень уверенно. Среди нас, пожалуй, он был тогда самый советский, чуть ли не сын полка. Он уже очень давно американец, о чем в те лицейские годы никто, включая его самого, не смог бы даже и предположить. Еще раз подчёркиваю этим: действительно, неисповедимы пути Господни. Уверен, Иннокентий найдёт себя. По комплекции и внешней фактуре он производил

впечатление сытого, откормленного юноши, из благополучной семьи, от природы крепкий, настойчивый, практичный, без романтики и идеализма. С сильным характером, норовистый, с хорошим тщеславием, он относится к лицам запоминаемым. Помню его рассказы о... его слишком ранних, по тем временам, любовных утех. Дон-Жуан талантливо оглушает и поражает - и владеет. Живое переживание в чужом изложении через сорок лет теряет правдоподобие. Именно поэтому писать реальные воспоминания о других лицах, а не о себе, вовсе не так просто, как кажется. Ведь в людях не всегда обнаруживается готовность к беспокойству и тревоге памяти, потребность исповеди и покаяния.

Таких разных ребят, как Юра, Паша, Кеша, вокруг тебя в Лицее всегда было большое множество, и все под одной крышей едят из одного котла. Там поголовное знакомство, избирательная дружба, близость, неразлучность, своя особенная плотность и теснота общения и товарищества - и всё это вместе такая мощная энергетическая и коммуникативная система, которая индуцирует и заряжает так или иначе всех, оказывая на каждого определённое психологическое влияние, информационное и воспитательное воздействие на твой рост и развитие. Все мы взаимосвязаны и взаимозависимы духовно, неясно и неизвестно как, т.е. таинственно, отражаясь друг в друге, в мыслях, словах и поступках. Пусть каждый из лицеистов в отдельности и сам по себе - личность или же определённое создание. Он определённое слово, и вокруг множество других слов-личностей. В Лицее же из этих слов был сложен цельный в его осмысленности и эмоциональной насыщенности текст. Текстовое содержание само складывается из всех взаимодействий слов и в то же время в каждом из них отражает свой общий смысл. И в этом мистика!

... С самого рассвета, мы ещё крепко и беззаботно спали, мимо Лицея в ранней тишине утра тянулась живая цепь палудинов. Со стороны, где был аэродром, и в направлении к Новому городу, в центр, к Собору, на всём протяжении взора один за другим, гуськом и с интервалом протянулись пришельцы, прочерчивая своим пунктирным движением главные магистрали спящего и ещё пустого Харбина. Молча и фатально, как навод-

нение, они текли из окрестных деревень, заполняя наш город, этой ночью оставленный своим товарищам-друзьям советскими войсками. В Китае шла гражданская война. Перед нами были тогда, как видно, преимущественно сельские новобранцы 8-ой армии. Командиры выделялись среди рядовой массы, все в простой крестьянской одежде, тем, что у тех на бедре болтался громадный маузер. В основном же шли безоружные, редко кто с трофейной японской винтовкой.

Никто из нас тогда не думал и не гадал, что начиналась тогда и так новая, собственно китайская, эра Харбина. То было начало конца иностранного присутствия в Харбине, и русский Харбин скоро начнёт собирать чемоданы. Вряд ли мы тогда понимали всерьёз, что эти казавшиеся игрушечными, после советской бронированной мощи, тихие и робкие передвижения ополченцев, без формы, без оружия, а затем и вскоре следовавшие за этим театрализации публичных расстрелов гоминдановских бандитов и американских шпионов есть уже воплощение большого сценария, и развертывалась игра-борьба национально-континентально-всемирного масштаба, на арену выступали бесы в новом облики, жестокие и коварные.

Вряд ли мы были тогда в состоянии понимать, что очень скоро решится участь Лицея и следом с неотвратимостью рока резко изменится траектория судьбы всей нашей колонии в Маньчжурии. Становилось всё трудней и напряжённей, люди искали хоть какой выход, чтоб продержаться сегодня. Жили одним днём, грандиозных планов не строили, не было простора и перспективы. На себе испытали, что такое лишние люди. Это хуже, чем бедные люди. Слава Богу, мы не опустились ниже и, оставаясь собой, не стали жалкими. Из последних сил держался Лицей. Он изнемогал от непосильной ноши, и путь всё более тернист и труден.

И вот однажды поздно вечером, уже после отбоя, лицеисты готовились и отходили ко сну, а спальни наши, как помните, находились на двух верхних этажах, в темноте тихо подкатали машины и встали поодаль, у соседних ворот. Из них бесшумно выскочили чёрные фигуры и одна за другой стали проникать в наш двор. Как по команде, пришельцы-тени легли наземь и, переползая по площади двора, заняли свои позиции. Открыли

входную дверь. Группа, человек десять, среди них несколько масок, по широкой парадной лестнице спешно поднимается вверх, на второй этаж, сворачивает налево и через холл направляется прямо в монастырь. Возле каждой двери оставляется охрана. Прошло какое-то время, и из монастырского помещения вывели одного за другим всех наших монахов: отца архимандрита, о. Иосифа, о. Фому, обоих Павлов. Растерянных и полураздетых, их в плотном кольце сопровождали вниз и беспорядочно, толкаясь, вывели всех в темноту двора, где их взяли в дополнительное окружение и, под руки, повели за ворота. Забрали пленников, машины скрылись в ночи. В это время мы спали.

Лицей остался без монахов. Их исчезновение официально ДОБ разъяснял так: властям ничего не известно, вероятнее всего, это дело рук неизвестных бандитов, потребуется какое-то время на расследование. Занятия ещё некоторое время продолжались. Но вскоре объявили, что Лицей закрывается, и нас быстренько распустили. Было сказано, чтобы мы забрали с собой домой иконы из классов, и я взял себе на память Богоматерь в большой раме, которая оставалась в пустом первом классе. Тогда же закрыли и Конвент францисканок.

Мне было тогда 14 лет. Мы, естественно, догадывались, что произошло в действительности. От всего этого у меня осталось чувство, похожее на стыд, неприятный осадок, будто и я виновен в чём-то.

После этих печальных событий пройдёт сорок лет. Анатолий Перебоев из Алма-Аты напишет мне, что, по сведениям Лаврушина, о. Фома Подзява после освобождения жил в Польше. Я написал в Варшаву, в адресный стол, и оттуда получил адрес, по которому сразу же отправил короткое письмо. В нем были слова сочувствия, благодарности и любви. Однако я со своей признательностью опоздал ровно на 14 лет. Некто Словомир Мазуркевич, тоже монах из того же ордена, что и о. Фома, любезно ответил на моё письмо, сообщив, что «отец Подзява уже умер 2.XI.1975 года в Лондыне на атака сердца».

1994

В КИТАЙСКОЙ СЛУЖБЕ, ИЛИ СТАРЫЙ АЛЬБОМ.

Много лет храню альбом с фотографиями давних китайских друзей. Фотоальбом определенно что-то значит, если с 1955 года возишь эту вещь с места на место, из одного города в другой, из страны в страну, вместе с памятными для тебя семейными реликвиями. Годами не заглядывал в тот альбом, но берег. Может, чтобы взять теперь и вспомнить, что же было и прошло и что осталось. История, судьбы, взаимоотношения... Пришла пора оглянуться - достаю из ящика альбом. Домочадцы обратили внимание на тонкий восточный рисунок на шёлке. Сам альбом пролистали без осмысленного интереса - ничего не говорят незнакомые и чужие лица. У каждого из нас свои истоки и линия жизни.

С начала пятидесятых в Китае массово и интенсивно изучается русский язык. Об этом не все знают и помнят сегодня. Для удовлетворения нужд обучения требовались преподавательские кадры. Многие русские, жившие в Маньчжурии, стали тогда учителями русского языка в школах и вузах КНР, разъехавшись по всей территории молодой республики. Мои знакомые и товарищи работали в университетах и институтах Пекина, Харбина, Мукдена, Чаньчуня, Цунчина, Гуанджоу, Шанхая и городов поменьше, в северных, центральных и южных провинциях нового Китая. Этот крупномасштабный акт государства можно оценивать как программный, перспективный и не чисто учебный эксперимент, который через несколько лет, правда, станет сворачиваться и вовсе прекратится незадолго перед потрясающей культурной революцией. Но тогда рус-

только ещё входил в планы.

В 1952 году мы с другом отправились на северо-запад страны, завлеченные во Внутреннюю Монголию, на работу в районную школу города Кайлу. Пассажирского автотранспорта в теперешнем понимании не было, и мы из города Тунляо, от железной дороги, в пункт назначения добирались на довоенном японском грузовике, груженном какими-то мешками. На них устроились 26 пассажиров-лобасинов, и я среди них оказался с самого краю. Поездка была утомительной. Семь часов ехали через однообразную голую степь. Природа не впечатляла. Многочасовая тряска и страх вывалиться за борт держали в напряжении. По дороге в чистом поле делались кратковременные остановки. Приходилось терпеть. К заходу солнца наконец куда-то прибыли.

Кайлу пятидесятых годов запомнился как типично средневековый азиатский город, плотно наполненный глинобитными стенами и фанзами с плоскими крышами, огороженный весь земляным валом с воротами на восток и запад и пустым рвом вокруг поселения. После последней эпидемии чумы, унесшей десятки тысяч жизней, развалины сожжённых деревень в окрестностях лежали залитые известью, что позднее я увижу своими глазами. Ни электричества, ни водопровода, канализации, на радио или телефона и иных достижений современной техники тогда не было в том городе и в помине. Официальные сведения передавались при посредстве уполномоченных сигнальщиков, которые, стоя с шестами на крышах, словно гоня голубей, по воздуху громко перебрасывали нужную информацию один другому, по цепочке, на расстояние крика и в строго заданном направлении.

Нас поселили в учительском общежитии, на северо-восточной окраине городка, недалеко от школы. Буквой П стояли три небольших строения: слева - наша столовая, в которой два круглых стола; напротив, справа, кухня с двумя огромными чугунными чанами и ещё очагом поменьше; прямо от ворот - вытянутый кирпичный дом, коллективная учительская спальня с общей лежанкой во всю длину комнаты. От глинобитной ограды вокруг двора остались развалины.

Запустение и бедность бросались в глаза. Песок, глина, солома - в природе преобладали пыльные цвета. Без деревьев было пустынно, не хватало зелени крон и архитектуры вверх. Люди ходили в однообразной, тёмно-синих тонов, хлопчатобумажной одежде, на один общий покрой. Вскоре мне пришлось убедиться, что во всём городе не было зубного врача. Часовщик, далекий от медицинских предрассудков, по требованию больного в безвыходных случаях свободно смастерит металлическую пломбу и без лечения поставит её в дупло.

Трудолюбие и трудоспособность простых китайцев и в самом деле непостижимы. На огромном пришкольном огороде работал один старик. Этот внешне неказистый Ло-сян с единственным помощником - слепым ослом на поливе - полностью обеспечивал овощами школьную столовую, в которой кормились сотни учеников. Полный сезон старый огородник трудился от зари до зари. Огород был действительно огорожен массивной глиняной стеной, и в нём постоянно творил своё чудо человек в тяпкой. Этот чудесный огород был его биографией. Откуда-то сюда попали громадные, страшно-малиновые помидоры, называе-

мые американскими. Слово ассоциировалось с враждебным империализмом. Но сорт был прекрасным. Жизнь протекает вовсе не бесконфликтно.

В памяти оседают случайные эпизоды, и трудно объяснить её причудливость, провалы и избирательность. Со временем всё стирается, факты как бы прессуются, события предстают во всё более обобщённом образе. Остаётся едва ощутимое впечатление.

В классах было по шестьдесят учащихся и больше. На первом занятии сделал переключку, чтобы познакомиться с учениками, и именно так я представлял себе естественное начало обучения. Пока выговорил незнакомые китайские фамилии и имена, пока ученики по очереди встали и сели, прошло пол-урока.

Начали с азбуки (и в голову не пришло тогда, что может быть другое начало), учились читать и писать по-русски. Учебников не было, и мы сами, нацарапав на восковке слова и фразы, множили материал на простейшем гектографе. Конечно, всё обучение, от начала и до конца, было сплошной самостоятельностью. Мы не добились больших успехов.

Однажды осенью, в воскресный день, всей школой - человек шестьсот - отправились в степь на охоту (точнее сказать, ловлю) на зайцев. Отойдя от города на несколько километров, растянулись длинной цепочкой и, постепенно замкнув огромное пространство в степном поле, стали затем сужать круг. Живое кольцо учеников, весело машущих рукавами и кричащих, всё плотнее сужалось вокруг испуганно прячущихся и сперва не различимых в высохшей траве зайцев. Им уже никак не вырваться на свободу. Их прибивут палками. Возбужденные ученики несут трофеи в столовую. Голодные дети в радостном ожидании редкого праздничного пиршества.

Вскоре после первобытно-экзотической охоты пришла зима, бесснежная, пыльная и ветреная. После наступления холодов классы понемногу отапливались железными печками-буржуйками. Но чернила нередко замерзали, и все школьники, мальчи-

ки и девочки, в помещении, как и на улице, ходили одинаково, в вечных стёганных брюках и таких же ватных тужурках, у нас называемых фуфайками. Надолго запомнилось устойчивое ощущение незащищенности перед суровой природой. Без тёплого жилья и запасов топлива мы постоянно испытывали хронический холод и сквозное, какое-то первобытное промерзание.

Мои китайские коллеги, конечно, были посостоятельнее своих учеников. Получая как-никак зарплату, школьный учитель имел хоть пару нательного белья и собственную постель, свёрнутую валиком в общем порядке на длинном кане, едва нагреваемом перед сном дымом от двух охапок зажжённых гаоляновых стеблей. В тех местах тогда все жили неуютно и работали старательно.

Совместная жизнь с китайцами научит любого непритязательности в быту, чрезвычайной экономности и изобретательности. В будни учителя позволяли себе общее двухразовое питание: завтрак до работы и, вернувшись со службы, ужин. Ученики в своей столовой палочками ловко проталкивали из большой пиалы себе в рот даровой гаолян, совершенно безвкусный, а учителям за плату варили рис, и его ели с общей солёной овощной приправой - цеае. Лю-старший и Лю-младший - повара всегда мужчины, - согласно стародавней культуре китайской кухни еду готовят на сильном огне, невероятно быстро, вкусно и при необходимости разнообразно. Каждый китаец мастерски изобретает свои соусы. В отличие от нас в Азии почти не едят супов.

Многое здесь непривычно и непонятно нам. Учителям, как и всем государственным служащим, полагалось весь день находиться на своей службе в школе. Более того, некоторые преподаватели, будучи отцами семейств и местными жителями, домой уходили только на воскресенье, всю рабочую неделю оставаясь в общежитии. Среди всех них внешним видом и манерами выделялись южане, которые, было очевидно, знакомы с иным образом жизни. Переселенцы с юга аккуратнее в одежде, больше занимаются спортом, стройнее и тоньше чертами лица. В коллективном потоке и общем движении они были как бы в отдельности, и запомнились отстранёнными человеческими особенностями. Мне кажется, что, с одержимостью исполняя

напряжённые и резкие, как вой, арии из старинных китайских опер, они глушили свое трагическое одиночество и грусть. Это была ностальгия.

Мы поддерживали приятельские отношения с молодым учителем пения Шен И-чи. Белолицый музыкант из Шанхая, живой и подвижный, был открытей и откровенней других китайцев, особенно оставаясь наедине с нами. «Здесь ужасная тоска! Никаких развлечений! И зачем вы приехали в эту дыру?», - раскрасневшись от эмоций, говорил он доверительно, когда мы неожиданно застали его в харчевне, куда он в воскресенье сбежал один с общего обеда в нашей, осточертевшей ему столовой. Вскоре его укротили, женив на местной красавице.

Шанхайцы, как оказалось, знали английский довольно прилично, однако владение этим языком и нельзя было скрыть, но не афишировалось, ибо наряду с мелкобуржуазным происхождением это могло скомпрометировать человека, который вдали от родных мест и в отрыве от корней проходил очередную кампанию очищения и покаяния. Процесс всеобщего перевоспитания начинался с кадров. Все делалось собственными силами. На собраниях и совещаниях трудовых коллективов - невзирая на лица - шли утомительные обсуждения и драматические выяснения. Личные тайны и все иные субъективные предрассудки решительно отменялись. Год назад по решению педагогического коллектива завуч был отправлен в тюрьму. Недавно коллеги сообща постановили в школе, что проштрафившийся должен продолжать искупление своих грехов и ещё исправляться в заключении.

Естественно, меня, считая советским специалистом, непосредственно не вовлекали в эту в каком-то смысле уникальную политическую интригу и многоактную игру. Но невольно, словно находясь у кромки сцены, я слышал дыхание и видел страх участников действительно жестокого представления. Разворачивалось в марше раскулачивание культуры и духа каждого в отдельности. В глубинке и отсталом районе, куда мы попали, происходили общие, континентальные процессы.

7 ноября 1952 года в Кайлу состоялся общегородской митинг. На тесной площади рядами стояли служащие государственных учреждений, ответственные чины и общественники. Чуть ли

не первым пришлось взбираться на шаткую трибунку, чтобы от имени советских граждан выразить дружеские чувства и произнести речь, по сути ничем не запомнившуюся мне. Едва ли кто из присутствующих слышал до этого русскую речь. Площадь мрачно взирала на «старшего брата». Неудивительно, что тот по неопытности и, растерявшись, забыл исполнить в конце обязательную в таких случаях здравицу в честь. Но выручил товарищ, переводивший на китайский. Он ориентировался в ситуации, не сомневался в ценностях и к удовлетворению собравшихся не преминул провозгласить по десять тысяч лет и дружбе, и революции, и вождям.

Октябрьской революции в тот день исполнилось 35 лет. КНР только отметила трёхлетнюю годовщину. Сегодня те возрастные пропорции этих событий существенно изменились. Русская революция стала в два раза старше. В будущем году отпразднуют 40-летие КНР. Тогда мне не было 18, а теперь не за горами на пенсию. Заметно изменились уклад и стиль жизни, требования и отношения, идеалы и ориентиры. Всё изменяется, и всё продолжается.

Моя карьера дипломатического оратора этим закончилась, и больше я не митинговал на площадях. Мои связи и общение с китайцами продолжались в рамках более естественных взаимоотношений. В совместном труде и общении усваивается житейская мудрость и развиваются человеческие качества. Поверхностное общение и протокольная культура коммуникации, напротив, вытравляют чувства, лишают нас искренности и мешают встречному движению и сближению.

В 1954 году был объявлен конкурс в Институте иностранных языков в г. Харбине, и я решил подать туда. Сперва надо сказать несколько слов о самом Харбине, городе с необычной историей, и о своеобразной ситуации, которая сложилась в нем к тому времени. Построенный в начале века, при строительстве КВЖД, российскими инженерами на месте забытых китайских деревушек, через 20 лет он уже был вполне законченным и четко спланированным городом, с современным профилем, который определялся линиями и ансамблями каменных строений в классическом русском стиле на его главных улицах. Русские населяли Пристань, Новый город и другие районы, менее бла-

гоустроенные, как Нахаловка. Русское происхождение отразилось в городской топонимике - первоначальные названия улиц были нашими: Казачья, Артиллерийская, Новгородная, Водопроводная, Коммерческая, Пекарная, Школьная, Тюремная и др. На главной улице Китайской, протянувшейся через вою Пристань, от набережной Сунгари до улицы Диагональной, разместились магазины и рестораны с русскими вывесками. В самом центре Китайской рядом с магазином «Чурин» - гостиница, ресторан и кинотеатр «Модерн».

По составу населения город был международным: кроме китайцев и русских, жили корейцы, поляки, татары, евреи, греки, армяне и другие национальные группы. В Харбине в те годы действовали еврейская синагога, татарская мечеть, католический костёл, лютеранская церковь и по меньшей мере десять православных храмов - Никольский собор, представлявший замечательное деревянное зодчество русского Севера, Благовещенская, Софийская, Иверская и другие каменные церкви, стоявшие на самых видных местах и создававшие характерный русский облик города. Церковные приходы были всегда многочисленными. Среди жителей миллионного города к тому времени оставалось несколько сот тысяч русских, и в нём почти всюду звучала русская речь. Одним словом, лик и язык города ещё отличались своеобразными российскими чертами.

С годами всё меньше оставалось в живых людей, когда-то присягнувших престолу и безнадёжному контрреволюционному сопротивлению и с той стороны вовлечённых в междуусобицу, готовых ныне ответственно свидетельствовать о личных поступках, о мотивах давнопрошедших побуждений и действий, способных взвесить и оценить необходимость и неизбежность массовых скитаний, долгих исканий и мучительных терзаний смертного человека в вечной исторической драме, чтобы понять и осветить тернистый путь русской эмиграции во время и после разразившейся гражданской грозы, в роковом движении из прошлой эпохи в неизвестность. Разбитые революцией, белые бежали в Китай. Они были вынуждены кочевать и наконец осесть в Маньчжурии. Временная китайская остановка неожиданно для них оказалась затяжной. Пока обживались, обзаводились хозяйством, добывали хлеб насущный и пускали новые

корни, прошло несколько десятилетий, менялись чужие к все чуждые им режимы. Большинство из них во всеобщем смятении, не дождавшись чуда, успело состариться и упокоиться в китайской земле.

Если пойти от новгородного универмага «Чурин и К-о» по Большому проспекту на восток, по правую руку будет мемориальное русское кладбище, с гранитом надгробий на могилах погибших в Русско-японской войне 1904-5 годов. В конце проспекта приводил к новому русскому кладбищу, где отпеты многие тысячи бесправных скитальцев Земли и где бывал каждый харбинец. Перед началом культурной революции некому будет отстаивать город предков, от него отрекутся и вспашут, оставив лишь почётный лоскутик захоронений советских воинов, погибших в сорок пятом году.

В Китае родилось и выросло несколько поколений русских людей, для которых Харбин уже не просто приют и проклятие, но и роковая судьба. Место, где родиться, никто не выбирает. При первой же возможности случайные колонисты спешно и без сожалений покинут город своего детства и разъедутся по всему свету. Разъезд иностранных гостей начался. Из Харбина уехали японцы, немцы, поляки, греки. Придёт черёд и для русских.

А пока Харбинский политехнический институт, в 1912 году основанный русскими и лишь несколько лет назад переданный китайцам, новая Сельскохозяйственная академия и Институт иностранных языков расширяли свой штат преподавателей русского языка. Узнав о вакансиях, я подал заявление в ИИЯ и вместе с другими претендентами проходил собеседование и сдавал экзамен. Меня приняли на работу, дали выпускную 141 группу, и я ежедневно стал ездить на служебном автобусе за город, за Саманный городок, где в поле был выстроен многоэтажный комплекс, названный вторым филиалом института.

В группе было двадцать студентов, и они понимали меня. Молодым свойствен энтузиазм, им нравятся яркие фразы. Нас объединяло отсутствие большого жизненного опыта, способствующее свежести восприятия мира. Вместе мы были искренни, насколько это возможно, и легко верили словам. Будущие переводчики энергично усваивали русский язык. Через литера-

турные тексты они вживались в новую культуру, делая это бригадно и весело. Каждый студент присваивал себе русское имя, и выбор образа нередко был осознанным и удачным. Олегом стал ответственный и целеустремлённый Сяо Цин-мин, комсорг группы. У нас была своя Зоя, милая Тин-лин. Стремясь всё время говорить по-русски, студенты как бы обязывались играть соответствующие социальные роли. Русский давался, конечно, не всем одинаково просто. Более того, не все хотели быть переводчиками с русского и изучали его по доброй воле и своему желанию. Но если диктует общая необходимость, то государственная воля и революционное воспитание требуют принуждения и подчинения. Отсталых и недостаточно сознательных давили убеждениями и логикой политической борьбы. В учёбе без пассивности и инертности не обходилось. В целом же китайские студенты учились увлеченно, интересно и изобретательно.

Преподаватели кафедры сообща планировали каждое занятие, ежедневно писали и планировали общие разработки уроков и детально обсуждали результаты. Так на практике рождалась и критически оценивалась оригинальная лингвометодика. Скажу без преувеличения, там мы были причастны, как никогда позже, к педагогике истинного сотрудничества, своеобразной и эффективной, трудоёмкой и удовлетворяющей. В январе 1955 года в институте состоялась первая научно-методическая конференция, посвященная грамматическим основам курса русского языка для китайских студентов-переводчиков. Первый доклад весьма основательно сделал ведущий специалист Г.П. Уханов. Запомнилось талантливое выступление И.А. Мирандова, незаурядного педагога и моего школьного учителя.

В Советском Союзе наступала первая послесталинская оттепель. О том, что в это время уже назревали новые и более значимые перемены, мы не могли знать и вряд ли тогда догадывались. Однако именно вследствие реформации и преобразований в стратегическом мышлении и политике было в конце концов дано добро на реэмиграцию и возвращение русских из Китая домой. Вовсе не случайно это совпало с освоением целинных земель. Несколько сезонов подряд каждый день эшелоны ликующих харбинцев по целинным маршрутам отправлялись

на Родину и расселялись в полуобжитых просторах Казахстана и Сибири.

Пришло время уезжать и нам. По случаю нашего отъезда на Родину дирекция института дала официальный прощальный банкет. Он состоялся в массивном зале ресторана «Модерн». Китайская сторона протоечно произнесла немало речей, по изысканности вполне соответствующих невиданным деликатесам на столах и национальным блюдам. Нас обслуживали непривычно церемониальные официанты. В ответ и на прощанье мы устроили весёлый и раскованный вечер советско-китайской дружбы в ресторане Советского клуба, что находился на Коммерческой улице. По-русски пели песни. Было празднично и шумно. Играл большой оркестр. Всё кружилось в танце.

На перроне вокзала студенты, провожая, подарили мне альбом с каллиграфической надписью тушью на китайском и русском языках: «Дарим на вечную память нашему дорогому преподавателю». В максималистском стиле времени и безграничного оптимизма память определялась масштабами вечности или же тысячелетий, как и наша дружба. Эту ритуальную надпись вряд ли кто из студентов помнит. И общий снимок сохранился, наверно, только у меня. На фоне институтского здания на прощанье фотографируется группа китайских студентов со своим преподавателем - в два ряда позируют перед объективом 14 мужчин и 6 девушек в униформе.

Личные фотографии студентов также надписаны, и опять подтверждается «вечная память» (по-видимому, калька с китайского). По-русски это скорее скорбные слова, отдающие панихидой. Лишь улыбчивая и прелестная Чжу Ти-лин, выбившись из строя, одарила меня земными словами, написав просто: «На долгую память моему преподавателю. Не забывайте своих студентов, китайских друзей и пишите нам письма. Зоя». Первые годы, действительно, я писал им письма, и мне отвечали Сяо Цин-мин и Ян Чан-мин. Вскоре переписка прекратилась.

С тех пор много воды утекло. Судьба русского языка в Китае неожиданно оказалась совсем не такой, как рассчитывали. Наши страны отдалялись и пошли по-своему, имея какие-то приобретения и потери. Сообща и порознь, поколения, увлечённые глобальными проектами, верили, сомневались, вершили, жертво-

вали, радовались, переносили трудности, страдали. Переживали неоправдавшиеся надежды, иллюзии и разочарования. Не обошлось в большой политике без трагических искривлений, печальных событий, заморозков и даже оледенения.

Теперь ожидаются перемены к лучшему в отношениях близких соседей. Тогда, может быть, я разыщу своих первых студентов и напишу старым друзьям. Хочу узнать, как же сложилась у них жизнь, помнят ли они тот язык, который мы осваивали вместе, не забыли ли товарищи своих русских имён. Испытав трудности и преодолев свои перевалы, мы стремимся философски осмыслить, обобщить и объяснить пройденный нами путь жизни. Недостижимо и сверх нас - вечность. Все люди смертны и лишены вечного. Нельзя вернуть молодость, как немыслимо возвратиться в прошлое. Оно все же не исчезает бесследно и полностью. Растворяясь и смешиваясь, что-то остаётся в вечности.

Пусть свидетельство воспоминаний отражает лишь частности и случайности одной биографии. Этот краткий очерк и не рассчитан на полное освещение и глубокое понимание русско-китайских связей и отношений, которые были, есть и всегда останутся недоступно многосложными.

Страницы истории не вырвешь и не выбросишь в корзину, как оторванные листки календаря. Говоря сегодня о научно-техническом прогрессе, об истоках и развитии современной инженерно-технической культуры, о связанной с этим русистике в Китае, мало кто и вспомнит о Харбинских коммерческих училищах. Они были открыты русскими энтузиастами в 1906 году и являются первыми средними учебными заведениями в Маньчжурии. Для нас важно то, что в 1911 году в эти училища были приняты две группы китайцев 11 - 18-ти лет, детей чиновников и высших служащих КВЖД. В это время в мужском и женском коммерческом училищах обучались в общей сложности 930 юношей и девушек русских, евреев, поляков и других национальностей.

Правление КВЖД и китайские власти сочувственно отнеслись к поступлению китайских детей в русские училища. Принятые в училища китайские дети совершенно не знали русского языка. С опытными русскими преподавателями, владевшими

ми и китайским языком, они по специальной программе (30 еженедельных уроков) изучали русский и другие предметы. В целях скорейшего овладения русским языком 20 мальчиков-китайцев и 9 китайнок были устроены на жильё в русские интеллигентные семьи. За два года пребывания в училищах китайцы, благодаря исключительному прилежанию и интересу к обучению, а также русской речевой среде, усвоили русский язык и успешно справились с программой подготовительного и первого классов.

В Харбине уже в те годы издавались газеты на русском языке, такие как «Вестник Востока», «Девятый вал», «Квартирный указатель», «Маньчжурская газета», «Маньчжурские известия», «Мысль», «Новая жизнь», «Новый край», «Рассвет», «Харбин», «Харбинский вестник», «Харбинский листок». Видимо, одного этого перечня довольно, чтобы представить насыщенность и ритмы культурной жизни в этом бурно развивающемся городе в Маньчжурии. В поисках подписчиков и своих читателей газеты вели конкурентную борьбу.

Русская страница истории Харбина, если говорить осторожно, ещё не дописана. Былое - события, факты, судьбы, связанные со строительством и эксплуатацией Китайской Восточной железной дороги, с проектом освоения Маньчжурского края, с иными драматическими последствиями социального вмешательства в стихию и течение жизни, - всё дальше уходит от нас в прошлое и, скрываясь за поворотами прошедшего времени, стираются в человеческой памяти. А ведь жаль. Противоречивый и непростой опыт общения, сотрудничества, кооперации и в результате взаимообогащение культур - как-никак общее приобретение и достояние русских людей и китайцев. И этот исторический опыт надо использовать мудро.

1988 год.

ХИИЯ, группа 141. 1955 год.

НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ ЯЗЫКА ХАРБИНЦЕВ.

1. Харбинец, безусловно, скажет по-своему: «в Харбинé», «в Пекинé». Он ударение поставит на окончании, а не на основе слова, как другие. Это только лишь одна особенность, хотя и заметная, обращающая на себя внимание. Услышишь такое - и сразу по такому произношению заметишь и отличишь: вот харбинец, а то - нет. От бывших харбинцев слышал также: фермерá, шоферá, долларóв (с ударением на последнем слоге, на окончании).

2. Естественно, одним только харбинцам могут быть известны постоянно употребляемые ими названия тех городских районов, улиц, театров, клубов, гостиниц, церквей, школ, других местных учреждений и организаций, а также железнодорожных станций, вокруг Харбина и с ним связанных. Это так называемые топонимы и производные от них: Затон (затонец), Ченхэ (ченхейский), Модягоу, Саманный, Корпусной, Кусяньтун и т.п. Это почти три сотни русских наименований харбинских улиц: Полицейская, Магази́нная, Тюремная, Коммерческая и др. - в таком наборе услышишь только в том городе. А ещё там Яхт-клуб и Миниатюр, Яшкин сад, «Модерн», гостиница и театр, кинотеатр «Палас», Желсоб, Коммерческое собрание, Совклуб - это всё оттуда. Как и Зотовка, Крестовский и прочее. Своё звучание названий станций на Восточной и Западной линиях: Яблоня, Маэршань, Барим. ...Согласен, что всякий сколько-нибудь значительный городской центр отличается музыкой собственных топографических ориентиров, и Харбин не исключение из этого. Невский проспект в Санкт-Петербурге, Тверская ул. в Москве, Крещатик в Киеве, Дерибасовская в Одессе, Сумская в Харькове, а в Харбине - Большой проспект в Новом городе или Китайская на Пристани. Большой город и его часть, его визитная карточка, его символ! Надо иметь в виду, что в русский Харбин - на чужбину - многое было перенесено из России: навыки, привычки, культура, первые названия и, конечно, сам язык родной и никем не отменяемый. Но многое было и заимствовано уже здесь, на месте.

3. Спрашивается, так в чём же всё-таки специфика харбинс-

кой речи и языка харбинцев, если таковое было вообще-то, кроме одного указанного выше словесного ударения и местных названий-топонимов и т.п.? Народ русский, очевидно, не случайно сложил поговорки: «Что город, то норы, что деревня, то поверье, что изба, то обычай» или «Что город, то говор, что деревня, то порядня, что изба, то стряпня» (Записано у В.И.Даля). Один из учеников И.А.Бодуэна де Куртенэ в самом начале нашего века раскрыл в них ёмкий лингвистический смысл, истолковав их следующим образом: «Говор всякого поселения чем-нибудь да отличается от говора другого поселения» (В.А.Богородицкий). В простой речи обычно много и часто говорят о самом жизненном и важном. Дружеская беседа и обыденный разговор, как правило, сосредоточены вокруг наших житейских забот и интересов, связанных с заработками, с добыванием средств к существованию - где, как и сколько получить и приобрести, чтобы быть сытыми, одетыми, обутыми и иметь крышу над головой. В неформальном общении значим также рассказ о свободном времяпрепровождении, о развлечениях, о привязанностях, о межличностных отношениях и о межнациональных связях, если таковые актуальны. Просторечие, таким образом, обусловлено конкретными условиями жизни и злободневными потребностями человеческого выживания.

4. В самом конце прошлого или в начале этого XX века, видимо, из Одессы, с берегов Чёрного моря, дерзкий волонтерист какой-то привёз в строящийся город на Сунгари своё очень всем нужное слово - «сармак», и оно сразу понравилось, осталось и прижилось там, вытеснив из употребления многих своих известных конкурентов: деньги, денюга, монета, тети-мети, валюта и другие синонимы. «Сармак» - очень ходовое и распространённое было там слово: иметь, ломать, ковать, грести, найти, потерять, дать, получить сармак. Грубый сармак или сармачишко. Сармачный парень, сармачная тётка на вес золота. Такое слово не забывается. Звучит древне, чуть по-татарски. И вот, чтобы иметь этот самый сармак, всем харбинцам было известно, приходится «мантулить», или «кайлить» (кантулить, калымить), сейчас мы бы сказали здесь «вкалывать», тоже выразительно, но иначе. Всё это значит «усердно и настойчиво работать». Бессармачным, каждый мог оказаться на мели, прихо-

дилось брать самые необходимые продукты в лавке, у своего лавочника, у ходи, «под запишу», или «под карандаш». А кто с сармаком, кому повезло, доказуха, вёл галёру в харчедан. Там заказывали китайские цай, тюлюлюди и прочее. И бусали, если был повод, сармак и настроение. Пили там не антипас, а хану. В детстве мы там много базланили. Слово «базланиль» сибирского происхождения, и в Харбин попало отнюдь не случайно. Среди новосёлов было немало сибиряков и казаков, строителей и охраны КВЖД.

Однако колорит местного наречия, языка города, вместе с тем, определялся всё же заимствованиями из китайского обиходного словаря. Прежде всего это гастрономическая лексика: гао-лян, чумиза, финтёза, тьянбин, туфа, тахулу, пинго, тапинза, тюлюлюди и другие цай. Характерны также китайские названия меры веса (дин, лян), усвоенные русскими. Межэтническое общение и отношение отличается эмоциональностью, поэтому для харбинского мещанского говора, или городского просторечия, были характерны весьма употребительные в общении: ло-сян, фазан, манза, мафыр, палудин. Такие слова и через десятки лет остаются в памяти харбинца. Были заимствования и из других восточных языков, например, японские «каки», все там ели и запомнили, «кивокайка», кому-то приходилось носить на голове, легко запоминаются «фуро», «фуросики» и некоторые другие.

5. Конечно, были в городском просторечии том и исключительно харбинские слова, такие, к примеру, как «толкай-толкай», или «толкайка». Оставим в стороне в данном случае, естественно, употреблявшиеся и в речи харбинцев жаргонизмы и вульгаризмы повсеместного, или широкого, употребления, сексуально-бранную, нецензурную лексику и прочую неприличную здесь непристойность.

Определить стилевой статус слова - его диалектный, региональный, местный характер и общеупотребительность разговорного просторечия - не всегда бывает просто и нужно. Важно подчеркнуть, что в языке харбинца всего было намешано, разного и по-немногу. То был очень смешанный и разнородный язык, что связано с его вавилонским происхождением.

Воспоминания и беглый анализ языка подсказывает нам, как

же там жилось и чем были более всего озабочены харбинцы, когда были харбинцами. Именно их обиходная речь могла законсервировать и сохранить в нашей памяти некоторую интонационную и эмоционально-экспрессивную специфику бытовавшего тогда и там нелитературного словаря.

Харбинцы знали и употребляли в речи следующие слова: антипас, на арапа (на шармачка, на шару), базлан, базланить, базланщик, для базлана (ради шутки), барашки (название денежной единицы при японцах), бусой, бусать, набусавшийся, бусач, бусы, буска, буфера, буфы, буферная, велос, вихотка, вязига, галёра, гаолян, геты, гандонбоси, гоношить, гоношиться, гуран, Да-тун, Дед-винодел, дестак, дин, ДОБ, в ДОБе, добовский, доказуха, духос, ё пу ё, Желсоб, зажимает очко, под запишу, Затон, затонец, зоска, Зотовка, иордань, кайлить, кайхуй, каки, кантулить, капитана, капитанка, карагаз, кбтер (с твёрдым «т» и в значении «жюльничество»), киовакайка, колымить, конвентка, косая, куня, кунечка, Кусяньтун, лайбаче, лафа, линия, липучка, ломоза, лосян, лян, мадама, мало-мало, малопулька, манза, мантулить, мафыр, Миниатюр, Миши, Модягоу, мотня, обсказывать (отказать в танце), оморочка, оторвать костюмчик, Палас, палудин, пинго, пингошка, под карандаш, проёрить, пяди, сайка, Саманка, сармак, сармачишко, сармачный, светер, семадзыр, Совклуб, сорокотик, ССМ, эсэсэмовцы, тапинза, тахула, ташо, тёса, толкай-толкай, туфа, тырить, тырщик, тянбин, урсулинка, фазан, фазанский, финтёза, францисканки, хана, ханжа, ханушка, ханшинный, хапала, харчёвка, харчедан, харчеданс, хибачи, ходя, Хуйхулюди, хэпэивцы, Хэсэмээльцы, цай, цаёк, цаишко, Ченхэ, ченхеец, чиндрик (воробей), чифан, чифанить, в Чифу на родину, чумиза, Чурейто, Чурин, за чурина, чуринец, чуринский, шакалы (употребительное было слово), шанго, шарабон, шаровня, шбфер, шаферица, шеля (учитель), на шестаке, шмутки, шорцы, шоубин. Можно было бы и продолжить этот список типично харбинских слов. Кроме того, вместе с ними широко использовались и другие, более распространённые и известные русские слова, такие, к примеру, как: амбуланс, амбуланщик, баклажаны, богоделка, брякнуть, бурда, долбануть, ерепениться, завернуть, задуть, закуток, засундучить, засыха, кан, картина, карточка, катать, лавка, лавочник,

мастеровой, монета, моторист, не разговаривать (быть в ссоре), пикник, полукровец, сабантуй, фанза, хреновский, хунхуз и др. Безусловно, все харбинцы непременно пользовались и литературной лексикой. Однако сейчас об этом говорить излишне. «Как выпускники Оксфорда и Кембриджа узнают друг друга по своим университетским словечкам, так и харбинцы сразу же откликаются на наши выражения. И попробуй объяснить какому-нибудь непосвящённому такое выражение. как «гондонбоси». А ведь это выражение своим происхождением обязано шапкам «киовакайкам» (опять харбинское словечко!). Бедная Вита, наверное, запутается во всех этих диалектах, если ты ей читаешь мои письма. Моя мадам, хотя она из «хуйхулюдей», но ставшая стопроцентной харбинкой...», - пишет мне бывший земляк. И ещё из его же писем примеры харбинизмов: «Осталось три дня до окончания отпуска - потом опять мантулить»; «Дико набусавшихся вообще никого не было»; «Я пообещал выдать пиздюль за клевету. Не поняв этой в общем-то популярной идиомы, он обратился к жене за переводом. Та, обшарив все имеющееся в наличии словари, зашла в тупик, хотя нашлась и заявила, что я недоволен его книгой»; «На прошлой неделе вспоминали с фазаном-харбинцем специфические блюда Дун-бэя: туфанор, мусичжу, тюлюлюди, коцзы, тапинцзы, тянбин. Оказывается, сегодня в Харбине тянбин и тапинца - деликатес, трудно достать»; «От возможности заработать лишний сармак в Австралии порядочные люди не отказываются»; «На одной из видеолент записан фазан, готовящий рыбу на пару»; «Откуда и какая в Харькове финтёза?»; «Сегодня холодно и мокро. Пиво не пойдёт, а вот водчонка или ханушка под пельмени не повредит»; «Хана на свадьбе была хороша! Хана под чай шла на удивление прекрасно»; «В субботу вечером сгоняли своей коблой в харчеданс. Внуки общились к китайскому чифану»; «Во Вьетнаме после поражения американцев ходям пришлось мотать на все четыре стороны»; «У него со спиной совсем хуёза»; «У них единственная дочь, два внука, а зятя нет. Хуёза!»; «Консул после пяти рюмок уже перестал защищать модернистов, согласившись с нами, что модернистское искусство «хуёза», с удовольствием принимая новое слово в свой обширный лексикон»; «В харбинском лек-

сиконе бытовало слово «чифанить», исчезнувшее со временем у русских харбинцев в Сиднее. Влезло слово «ланч»; «В Харбине часто звучало слово «шакалы», тождественное современному «акулы». И у меня сложилось впечатление, что шакал - что-то нахально-рвущее, свирепое, страшное и огромное. Оказывается, шакал чуть больше лисицы, робкое животное, подбирающее всё, что остаётся после сильных мира животных, лопают и мышей, и лягушек, не пропустит и жука». Именно так говорили харбинцы.

6. Часть из нас, харбинцев, вернувшихся «домой», на родину своих предков, рассеявшись по просторам целины, Сибири, Казахстана, других республик и регионов СССР, очень скоро, даже ещё не износив привезённых с собой из Харбина вещей, забудет за ненадобностью и излишеством харбинское просторечие. Оно окажется неуместным. Никому не хочется быть белой вороной. Приехав в Харьков и живя на окраине города, на Залютино, я недолго удивлялся и быстро привык к харьковскому произношению и просторечию. Здесь номер трамвая тогда называли «маркой» (-Какая это марка? -Тройка.), плечики - тремпель; бандит, хулиган - ракло. Хозяин квартиры спрашивал меня: «Борща насыпать тебе?», не налить, как в Харбине. Харьковчане говорят по-своему: шо, хата, зала, поброюсь, бурак (свёкла), стулка, живу сам, трошки, до тёщи, обратно (снова, опять). «Обратно курей дают», что значит: снова кур продают. Выбросили - понимай, что есть в продаже. Так было.

Сплав русского и украинского - суржик. Ко всему незаметно привыкнешь, к южному произношению тоже. Не думаю, что окружающие меня харьковчане заметили именно харбинский акцент в моём произношении. И тут тоже разные лица говорят по-разному ведь, в зависимости от места рождения и пр. Пожалуй, было бы странно, если б мы повсюду и всегда говорили одинаково, и вовсе не удивительно то, что в разных странах русские, даже вовсе не желая того и не осознавая, пользуются именно некими местными «наречиями», каждое со своими более или менее неувеличиваемыми особенностями. Региональные, национальные и континентальные разновидности русского языка - его своеобразные диалекты, островные и вторичные (смешанные) - в определённом смысле свидетельство внутренней силы, жиз-

нестойкости, богатства, его экспансивности.

7. А те харбинцы, которые уехали в англоязычную Австралию, оказались там в совершенно иных условиях жизни. Им следовало приспособиться к необычной и непривычной культурной и языковой ситуации. Харбинцы ехали туда кучно и оставались сплочённой группой, землячеством. Они не рвали дружеских и земляческих связей, продолжая и встречаться, и общаться, хотя бы изредка. Именно поэтому - таков стиль жизни - они сохранили в своём речевом обиходе и памяти то милое и дорогое нам просторечие, которое усвоили в своей молодости в оставленном Харбине. Весь список харбинских слов и выражений, приводимый ниже, пусть далеко не полный, выбран мною из писем Л.Щ., моего товарища, бывшего харбинца, а теперь уже почти сорок лет сиднейца. Со временем в языке наших австралов, естественно, стали появляться новые, англоязычные заимствования, и харбинцы быстро усвоили целый класс англицизмов, как-то приспособивая их к своему основному языковому коду. В контексте (да и в большинстве случаев вне предложения) эти слова английского происхождения и мне понятны. Они дают новые оттенки и звучание речи, уже иные ориентации: бич (пляж), барбаку (BBQ), бизи (занят), бизнес, уик-энд, виска (склоняется), грилл (решётка для жарки мяса), её департамент (её обязанность), дипишка (департированные из Европы наши соотечественники после войны), дринк (напиток), кока, караван-парк, кондишн, копёр, ленч, матрона, мобайл, мондай, паб, партишка (пьянка, приём), бросить партишку, поши, пиано, пул, сити, тек, шопинг, сделать шопинг, сгонять в шопинг, холидай, холл, флю, фриг (холодильник), юни. По-моему, это очень интересная тема - судьба русского языка наших земляков-харбинцев, в частности «зарубежников». Один из них пишет: «Мы, не знавшие Отечества, к загранке привыкали быстро. Сбились в стадо. Жили двойной жизнью. Первая на выбор - это работа; вторая для души, в стаде. Очень мало кто стоял о Союзе. Союз был для нас чем-то вроде книжки, которую когда-то читали. И церковь нас тоже особенно не притягивала... для большинства - просто традиция». Былое харбинское просторечие, пока живы его подлинные носители где-то, продолжается и развивается, получая всё новые и различные наплас-

тования и влияния. Постепенно накапливаясь в речи и отражаясь в языке, все эти иноязычные заимствования и вкрапления, безусловно, и глубже, и сложнее, чем это проиллюстрировано выше, как и беглых и попутных моих замечаний. Надо бы знатокам исследовать процесс более всеохватно. Тот же наш земляк замечает: «Английский язык, столь не любимый нами и казавшийся ненужным предметом (помню, была какая-то противная баба, учившая нас этому языку), стал языком, на котором приходится говорить 95% активного времени. Ирония судьбы! Приезжие русские хвалят мой русский язык, а у Любы появился акцент, правда, очень небольшой, я его не замечаю. Когда же она орёт и бранится (обычно напрасно), у неё такой обворожительный русский, что хочется даже плакать навзрыд».

География, местообитание, многонациональная и социальная среда существования, безусловно, влияют и сказываются на характере функционирования и развития нашего языка в разных странах, на Украине или в Австралии. Переселяясь в чужие места, язык продолжает какое-то время жить по инерции энергией, унаследованной от материнского говора, его материального тела и духа. В новом океане жизни постепенно гаснет эмоциональный и коммуникативный заряд родного общинного духа. На культурно-языковой периферии вместе и вслед за преобразованиями внутри индивидуального сознания и души постепенно, непрерывно и непременно происходят-таки диалектные и акцентные сдвиги. Они сопровождают или следуют за ослаблением чувства национальной самобытности, вследствие вытеснения системы «доморощенных», или исключительных, духовных ценностей. Язык, видимо, для всех был и остаётся одним из ведущих знаков, символов и внутренних мотивов национальной самоидентификации личности.

1998 г.

В.Л.

*ЯЗЫКОВОЙ И ЯЗЫКОВЕДЧЕСКИЙ
ФРАГМЕНТ ХАРБИНИСТИКИ*

(К докладу на конференции «100 лет Харбину и КВЖД»).

1. Уточним наше понимание харбинистики (или маньчжуристики?). Принимая в расчёт противоречивость и спорность самого предмета - феномена «русского Харбина», -диалектическую суть явления и процесса, диалогический характер коллективного представления при воспроизведении образа прошлого, имея в виду многообразие и разноречивость взглядов, мнений, точек зрения и подходов к оценке минувшего, важно очертить содержание и определить ключевое понятие, заглавное. Слова, названия и имена помогают держать в памяти и тем сохранять следы действительности, канувшей в историю. Когда-то там и особенно ныне везде, по всем материкам, бывшие земляки-харбинцы, авторы и субъекты воспоминаний, репродукций памяти, похожи и непохожи, разнолики, каждый во своим характером, норовом; строптивы, как положено, были и есть, чего нельзя не учитывать нам, дерзающим сообща написать свою харбиниаду.

2. Транспортное, градостроительное, промышленно-техническое, торгово-экономическое развитие и бум в Северной Маньчжурии сопровождалось интенсивным и завидным ростом культуры, образования и науки в нашем Харбине. От всех нас зависит, как сохранится, продлившись в человеческой памяти, тот небесмысленный порыв обустройства и исследования далекой окраины, своеобразный стиль жизни российской колонии на чужой территории, в условиях межэтнического многоголосия и соперничества. Пока не поздно, мы пытаемся сообща как-то разобраться в промысле и исторической судьбе нескольких поколений харбинцев, так или иначе уже своим существованием и присутствием тогда и там включенных, хотя и по-разному, в действующие лица империалистического передела. Не зная всего, эмигранты попали в минированное поле политических интриг. Оправившись от страхов и унижений, теперь люди услы-

шали в себе внутренний голос и зов собрать оставшиеся осколки личной памяти о харбинстве, о странной своей родословной, о той жизни, чтобы скрупулёзно склеить из них некий полуфантастический сосуд земляческих чувств солидарности и живительных воспоминаний, воскрешений эпизодов прошлого. Сверхзадача конференции видится в собирании рассеянного опыта быстротекущей и таинственной жизни. Корни её остались на том берегу, и исчезла пристань в дымке.

3. Харбинистикой условимся именовать сохранившуюся и доступную совокупность текстов, писанных харбинцами в первую очередь о себе и о своей той малой родине (месторождении), многочисленное собрание произведений, сочиненных в истекшие времена, более ранние и более поздние годы, как и современные публикации - газетные, журнальные, книжные, научные, художественные и другие, рукописи разных воспоминаний и частные письма, так или иначе касавшиеся личной и коммунальной жизни российской колонии в Харбине и вокруг него в Маньчжурии, судьбы добровольных переселенцев и вынужденных мигрантов, выброшенных беженской волной, и их потомков. Таким образом, харбинистика - в определённом смысле предметно-тематический раздел библиотеки, охватывающий огромный перечень художественных, специальных, краеведческих, публицистических, эпистолярных и иных источников, вышедших в свет в разных изданиях (как и ещё не изданных нигде). Необходима каталогизация.

4. Разнообразные тематически, по содержанию, жанру и стилю, харбинистические тексты, составляющие солидную по объёму (см. библиографию) литературу, могут касаться разных, практически любых пластов жизни тогда и там, без ограничений интересов, увлечений теми или иными сферами и вопросами быта и бытия. Говоря проще, харбинистика реально как своеобразная рефлексия и совестливый взгляд в своё прошлое собирает и соединяет всё то, что в первую очередь сами харбинцы, сопереживая, написали и продолжают писать о земле, которая худо-бедно их приютила и вскормила, о своём нелёгком существовании там, в той харбинской поре жизнедеятельности и после. Все те многочисленные зацепки заинтересованной памяти, её заметки и оценки давно прошедшего вовсе не исклю-

чают, но естественно предполагают также и культивирование (или обобщение) строгих отвлечённых знаний на плодородной маньчжурской почве жизни. И наука вносит свой вклад в харбинистику, дополняя её.

5. Для обозначения цельности некоего комплекса многопрофильных, разнородных и противоречивых суждений, жизнеописаний, мемуаров и объективных исследований сложного социально-исторического объекта, культуры и жизнедеятельности уникального территориального организма, необходимо обсудить и выбрать имя, удачный и запоминающийся знак, незаурядную марку, привлекательный символ и ключ целой предметно-тематической отрасли знаний. Американские харбинцы нашли хороший вариант, который мог бы быть принят всеми: харбинистика, вроде бы таинственное и изящное существо женского рода, с восточной раскосинкой взгляда. Другой наш неологизм «МАНЬЧЖУРИСТИКА», с более широким и ёмким внутренним содержанием тоже иероглиф, уступает пальму первенства, но и он может пригодиться нам. В нём есть коварство и шаманизм.

6. Русско-китайское название города, его районов и улиц, учреждений, гостиниц, театров, магазинов и пр. (урбанонимы, топонимы и т.д.) - сложный исторический код, или знак, требующий лингвистической расшифровки и специальных комментариев. Мы вспомним характер заселения и населения, его национальный и социальный состав. На тех улицах - Полицейской, Магазиновой, Тюремной, Коммерческой, Корейской, Биржевой и др., ещё сотни наименований - мы жили сплошь в русских застройках и домах, жили кучно и в то же время международно, посещая свои школы, свои клубы и свои храмы. В разном языке хором голосов на улицах слышалась и русская речь. В городе выходили газеты и журналы на русском языке. Историческая и социально-психологическая характеристика харбинского сообщества восполняется выявлением некоторых своеобразных черт языка харбинцев, стиля и культуры речевого поведения горожан. В нашем предмете скрывается существенный гуманитарный, духовный и культурный компонент жизни. Общение лиц разных национальностей, взаимодействие и взаимообогащение культур, традиций и интернационализация общественных ролей на практике обеспечивались различными

механизмами и средствами. Люди учились друг у друга межэтнической коммуникации, усваивая разные языковые средства. Деловой, производственный и бытовой контакт разноязычного населения строящегося и развивающегося Харбина, харбинские школы и институты способствовали распространению в том мире русского языка. Пока ещё остаётся шанс вспомнить, как тогда там говорили харбинцы, если это нам интересно. Не следовало бы забывать также и массового и интенсивного обучения китайцев разным наукам и нашему языку, в котором много чего заключается ведь. Так мы распространяли и рассеивали по Востоку свой небесспорный опыт.

7. В год столетия со времени основания города на Сунгари внимание харбинцев привлечено к исторической эпопее зарождения нашей «малой земли», пристани на той стороне, и нас подталкивают к разумным обобщениям переживаний и воспоминаний. Наше прошлое - Харбин, Маньчжурия, Китай - вспыхивает в душе и гаснет. Далёкое детство, чарующая юность, напряжённая молодость - последние искры воспоминаний. Были страсти, желания, устремления, ограниченная свобода выбора, неизбежное движение, перемещения, столкновение идей, созревание духа, надежды, смелые жизненные планы - и мы ещё харбинцы... Вот уже оглядываешься с печалью назад в странную ту эмиграцию: там тогда глухая пристань и неожиданно, вдруг оттуда у каждого своя «за далью даль». Не понять зигзагов человеческих судеб. История суетной и брэнной жизни на миг воскреснет в покаянной исповеди, тихом признании самому себе. Наши энтузиасты всё продолжают сочинять свои «Маньчжурские рассказы», очерки о «Городе на Сунгари», истории о «Маньчжурии далёкой и близкой», о «Неизвестном Харбине», свои вальсы «На сопках Маньчжурии», письма и воспоминания. И «Русские в Китае», и «Дальний Восток». Всё это символично для нас: Маньчжурия, Сунгари, Харбин, Китай... Прошлое повторяется в образах воспоминаний, вымыслов, мифов. Прежде чем рассеяться в тишине и молчании вечности.

ПОСЛЕСЛОВИЕ.

Итак, наш дальневосточный экспресс то ли довёз своих пассажиров до пункта назначения, то ли нет. Крушения на самой дороге не было. Технически всё выполнено как бы нормально. Грубые просчёты были за пределами КВЖД и вне пути движения, в умах высших государственных деятелей, в их стратегическом мышлении. Сошлёмся на проф. М.А.Рейснера, который в 1906 году в книге «Русский абсолютизм и европейская реакция» писал: «Ещё недавно весь мир с недоумением останавливался перед бессмысленностью русско-японской войны, за которой не стояло никаких сколько-нибудь существенных интересов русского народа. Вся война, стоившая миллиардов народных денег и полмиллиона жизней, началась благодаря корыстолюбию и алчности некоторых русских бюрократов. Зрелище не имеющее себе равных. Кому-то понадобилось строить никому не нужную дорогу в далёкой и чужой стране, кому-то другому оказалось интересно, бросить туда несчастные толпы русских крестьян, одетых в военную форму. Ещё кого-то соблазнили корейские леса, продукты которых некуда вывозить и корейские горные промыслы, не имеющие ни машин, ни дорог, ни рынка, и великая держава потянулась за жалкой ничтожной кучкой чиновных хищников и во имя карманных интересов высокопоставленных писарей громадный народ был отдан ужасам 19-ти месячной кровавой и тяжёлой войны!» (с.84-5). Какие важные мысли были высказаны более девяноста лет тому назад. Как мы усваиваем уроки своей же истории? Горький опыт жизни следует учить для своей же пользы. Русский Харбин - не русский. Всё закономерно и закономерно, не первый и не последний случай. Однако вся эта эпопея нам очень близка и интересна, как воспоминание о своём прошлом.

Статьи, собранные в этой книге, написаны в разные годы

и разными авторами. Мой хороший знакомый, харьковский философ, с которым я советовался об издании их, поделовому интересовался: «Для кого же предназначается публикация этих материалов?». Ответил прямо ему прямо: «Для харбинцев». Мне показалось, что таким ответом я сразу отбил всякий интерес: надо же выбрать столь странный адресат, где же его искать?». Прошу меня извинить ещё за тяжёлый слог, сложность и иные несуразности. Далеко не каждому удаётся лёгкое письмо и изящное изложение мыслей. Кроме того, личное мнение всегда спорно, но это вовсе не плохо. Мнения и должны быть своенравными и разными, как и люди, иначе это не мнения уже.

Когда я вдруг заговорил о языковедческом фрагменте харбинистики, меня не очень-то понимали коллеги. Утешаю себя тем, что непонимание есть самое нормальное состояние индивидуального сознания. Конечно, хотелось бы убедить других, что в сказанном есть-таки действительный и вполне конкретный смысл. Надеюсь, мне удалось сделать это, хотя бы в малой степени.

Мой внук, Женя Ямпольский, которому я благодарен за помощь в компьютерной подготовке рукописи для издания, тоже задал дерзкий вопрос: «А причём тут счастье?». Да как же... Эмигранты - это самые обыкновенные люди. И эмиграция, как её ни называй, - тоже жизнь.

Мне интересно живое со-мнение. Отзывы, предположения и предложения можно слать по моему домашнему адресу:

Украина. 310111. Харьков. Ул. Тимуровцев, 68, кв.128.
310082. Харьков. Просп. Московский, 192, корп.1, кв.54.
Телефоны: (+38) (0572) 634600 или (+38) (0572) 922957.

Левитский Владимир Васильевич.

ОТЗОВИТЕСЬ. СООБЩИТЕ.

Хотелось бы найти своих бывших земляков и соучеников:
Р. Калужинского, Валентина Кау (Колчишуна), Владимира
Милова.

Левитский В. (Адрес на предыдущей странице).